

*От автора романа «Элегантность ежика»!
Новый долгожданный роман великолепной
Мюриель Барбери — впервые на русском!*

Мюриель
Барбери

СТРАННАЯ СТРАНА

Мюриель Барбери

Странная страна

Серия «Азбука-бестселлер»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25285968

Странная страна роман / Мюриель Барбери ; пер. с фр. Р. Генкиной:

«Иностранка»; Санкт-Петербург; 2019

ISBN 978-5-389-17395-8

Аннотация

Новый роман Мюриель Барбери «Странная страна» продолжает тему, начатую в «Жизни эльфов», где писательница впервые рассказала о том, как связан мир людей с незримым миром. Идет шестой год самой великой войны, какую когда-либо переживали люди. В объятый огнем Испании Алехандро и Хесус, молодые офицеры регулярной армии, покидают свой пост, чтобы через невидимый мост попасть в странный мир эльфов. Новый знакомый рыжеволосый Петрус открывает им тропы прекрасной, окутанной туманами страны, знакомит с необычными существами. Однако и здесь, в этой волшебной вселенной, назревает конфликт, приближается последняя битва. И кто знает, чем закончится схватка, от исхода которой зависят судьбы земного мира.

От автора романа «Элегантность ежика»!

Содержание

Книги	6
Война	6
Альянс	8
Рассказ	9
Альянсы	10
Преамбула	10
За ваших мертвецов	12
Битва	37
Убийство	38
Темнее ночи	39
Вино	61
Поэзия	63
Красива ли она?	64
Призраки	75
Веселье	76
Все будет пустотой и чудом	77
Другое	98
Письмена	99
То, на что мы смотрим	101
Конец ознакомительного фрагмента.	108

АЗБУКА
БЕСТСЕЛЛЕР

Мюриель Барбери Странная страна

*Посвящается Себастьяну и Жерару, моему
отцу*

*в последний час любви все будет пустотой и
чудом*

Muriel Barbery
UN ÉTRANGE PAYS

Copyright © Editions GALLIMARD, Paris, 2019

Перевод с французского Риммы Генкиной

© Р. К. Генкина, перевод, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Изда-

Книги

戦争 Война

В то время великая война, высшая стратегическая игра всех времен, пожирала два братских мира.

Мне бы хотелось рассказать вам ее историю как должно, ибо она не вписывается в одну книгу. На самом деле и люди, и эльфы легче обрели бы мир с самими собой, если бы ознакомились со всеми четырьмя Книгами.

Четыре Книги родились из четырех источников, но их традиционно объединяют по двум лейтмотивам: с одной стороны, убийство, с другой – поэзия.

Книга I – Да не будет к ней доступа тому, кто не вымаливал в ночи дара понять цену желания.

Книга II – Да не будет к ней доступа тому, кто путает силу с мужеством спокойного схождения в царство страха.

Книга III – Да не будет к ней доступа тому, чьи глаза ни разу не обжигала красота смерти в пламени солнца.

Книга IV – Но она будет дана тому, кто кладет пределы стремлению познать всю бесконечность горя.

Когда бушует война и умирают живущие, у кого хватит времени размышлять над великими Книгами? Однако их страницы сливаются с пением земли и неба и слышны даже в самом сердце битвы.

同盟 Альянс

В те трагические времена горстка эльфов и человеческих существ сумела уловить ветер сновидений и поверить в возрождение четырех Книг.

Среди них были две молодые женщины, священник, художник и один по всем статьям примечательный эльф, от которого в многовековой памяти не осталось бы и имени – из-за скромного его происхождения, – если бы в этой долгой войне он не служил постоянным катализатором различных встреч.

А дальше начинается история последнего альянса людей и эльфов.

物語 **Рассказ**

И все же, прежде чем начать, следует оговорить еще одно: мы, живущие под испанской землей, можем взять на себя рассказ только о том, что происходило на Западе. Я знаю, что на Востоке наши обретаются не в глубинах мира, а на горном хребте, на Севере у берегов замерзшего моря, а на Юге – на равнине, заселенной дикими животными.

Кто слышит нас? У нас нет ни вестников, ни трибунов, ни лиц, и мы слушаем, как мертвецы рассказывают нам историю, которую мы нашептываем на ухо живущим.

Альянсы 1938

Преамбула

К началу нашего рассказа мир людей вел войну уже шесть лет.

Войну начала одна коалиция, так называемая *Конфедерация*, с Италией Рафаэля Сантанджело во главе, в ее состав входили Франция и Германия. Давние слухи о войне были жестоко сметены широкомасштабным вторжением, которому подверглись члены *Лиги*, то есть Испания, Великобритания и северные страны Европы.

С Испанией сложилась особая ситуация: Король был естественным союзником Лиги, но часть его армии, заранее подготовленная к предательству, отделилась и перешла на сторону Конфедерации. А потому в начале войны регулярные испанские войска, верные Короне и Лиге, были окружены частями под командованием генералов-ренегатов, и Испания оказалась отрезанной от своих союзников.

Примечательный факт: с самого начала конфликта, то есть с 1932 года, в странах, подвластных Конфедерации, сформировалось независимое гражданское сопротивление.

Намерения Сантанджело были изначально ясны. Столкнувшись с отказом членов Лиги пересмотреть договоры, заключенные в результате предыдущей войны, он вознамерился силой перекроить границы европейских стран. Во имя сохранения доблести и чистоты итальянской расы он выработал политику массовых перемещений жителей Великого Сапога¹. В 1932 году он провел законы об этническом отчуждении, которые в скором времени вошли в итальянскую конституцию; к 1938 году часть Европы, находящаяся под Конфедерацией, покрылась лагерями.

¹ *Великий Сапог* – так называют Италию. (Здесь и далее примечания переводчика, кроме отдельно оговоренных.)

За ваших мертвецов

Алехандро де Йепес родился на земле, которую сейчас и защищал под всеми снегами. Другие сражались за исход войны, но генерал де Йепес бился за клочок суши и могилы предков, и плевать ему на конечную победу Лиги. Он был сыном глуши столь бедной, что ее аристократы в глазах остальной Испании представляли жалкими голодранцами; соответственно, его отец в свое время был самых благородных кровей и самым последним бедняком. С верхней галереи их кастильо² они могли, подыхая от голода, одновременно любоваться прекраснейшими видами и Эстремадуры³, и Кастилии-Леоны⁴, поскольку крепость стояла на разделяющей их границе: одним мановением руки можно было пустить орлов как в сторону Саламанки⁵, так и в направлении Касереса⁶. Милостью судьбы Алехандро сумел вернуться домой после шести лет сражений в дальних краях, в час, когда Эстремадура стала осью большого наступления, которое было призвано поставить окончательную точку в войне. Более того, та

² Castillo (исп.) – замок.

³ Эстремадура – западная область Испании, одна из беднейших, с суровым климатом.

⁴ Кастилия-Леона – северо-западная область Испании.

⁵ Саламанка – город в Кастилии-Леоне.

⁶ Касерес – город в Эстремадуре.

же милость судьбы позволила молодому генералу вернуться героем, ибо он проявил стратегические таланты, далеко превосходящие то, чего от него ожидали командиры.

А вышеозначенные командиры и сами обладали великими достоинствами. Эти люди умели как отдавать приказы, так и сражаться, без труда проникнувшись ненавистью к врагу еще более отвратительному, чем во всех предыдущих войнах. Они видели себя слугами не только Лиги, но и расколотой предательством родной Испании и вели битву на два фронта с той отвагой, что исходит из глубины сердца в силу самых искренних убеждений. Как ни странно, большинство офицеров были родом из сельской местности, в то время как города в массе своей становились на сторону врага. Это была армия мужчин, с детства привыкших обращаться с оружием, которых суровость родных мест приучила к упорству и хитроумию. Они примкнули к лагерю Лиги с равной верностью как своим предкам, так и Королю, и без колебаний готовы были схлестнуться врукопашную со своими братьями-ренегатами. Перспектива биться одному против десятых оказалась им вполне по вкусу; унаследованная от отцов удаль повелевала офицерам сражаться в первых рядах, пока голоса вышестоящих командиров – и голос Алехандро среди прочих – не заставили их осознать, что недопустимо бросать солдат на поле боя без руководства. А раз уж они убедительно доказали, что трусов среди них нет, то отныне можно

обойтись без демонстраций собственной доблести. Кстати, любой из них был глубоко убежден, что истинная доблесть заключается в том, чтобы выполнить свой долг перед землей и небом, а чтобы почтить своих мертвецов, следует жить.

Франко-итальянская Конфедерация захватила Европу благодаря эффекту неожиданности, изничтожая огнем и заливая кровью неподготовленную Испанию, бросая на ее поля сонмы людей, с полным безразличием обреченных на смерть. Сами генералы, объединенные Лигой, знали, что хотя лучшие офицеры сохранили верность Королю, однако общее число их войск выглядит смехотворно и надежда на спасение зиждется не на цифрах, а на череде чудес. И вот в те недели, которые потребовались союзным силам, чтобы произвести необходимую реорганизацию, лейтенант де Йепес совершил одно из таких чудес. Когда его солдаты соединились наконец с дружественными войсками, выяснилось, что младший офицер, под началом которого была самая немногочисленная и хуже всех вооруженная боевая единица в армии, потерял меньше всего людей и причинил наибольший ущерб изменникам. В то время во главе Генерального штаба армий стоял замечательный генерал, к нашим дням уже ушедший из жизни, и звали его Мигель Ибаньес. Он охотно продвигал доблестных офицеров, в то же время лишая своего доверия тех, кто не выказывал тактического таланта, а главное, был лишен стратегического чутья. Хорошая такти-

ка суть позвоночный столб офицера, а стратегия – его легкие и сердце. А в ситуации, когда сражаться приходится из расчета «один против десятерых», никто не может обойтись без должного дыхания и сердечного пыла, так что Ибаньес подбирал в первую очередь стратегов.

И в Алехандро он нашел стратега высшей пробы.

В первые дни конфликта лейтенант Алехандро де Йепес оказался отрезан от штабного командования. Он мог действовать по своему разумению и выбрал простое решение: беречь людей, время, боеприпасы и продовольствие. Регулярные войска были, в свою очередь, крайне раздроблены, а сообщение между ними по суше невозможно. Их ресурсы должны были быстро истощиться, и каждый прокручивал в голове сценарий грядущей катастрофы: разогнанные, как крысы по углам, оставшиеся в одиночестве части погибнут, окруженные куда более многочисленными врагами. В отсутствие путей сообщения единственным шансом на выживание армейских частей являлось знание местности; с тяжелым сердцем Алехандро отправил на разведку больше ценных солдат, чем хотел бы, и потерял куда больше лучших людей, чем предполагал. Но и вернулось достаточно, чтобы дать ему ясное представление о театре военных действий, на что противник, уверенный в своем численном превосходстве, не обращал особого внимания. Постоянно отступая, Алехандро

просачивался повсюду, где только мог, как вода струится по склону меж корней и скал. Он занимал наилучшие позиции для сопротивления и пополнения ресурсов и изводил противника молниеносными бросками, создавая ощущение, что находится одновременно повсюду. Во время боевых столкновений, хотя его лагерь беспрепятственно подвергался обстрелу, он придерживал свою артиллерию, экономя тем самым боеприпасы, – дошло до того, что в одном декабрьском бою он морозил своих артиллеристов почти полчаса. Снаряды противника сыпались градом, и люди Алехандро уже молились Пресвятой Деве, но когда вражеский генерал, уверенный в том, что ему осталось только зачистить горстку призраков, послал вперед свою пехоту, те, кто до того молился, возблагодарили своего лейтенанта за богатый припас, убереженный от поспешной стрельбы. Они ушли в долину сквозь продырявленную сеть и потеряли куда меньше людей, чем рассчитывал открывший шквальный огонь противник. В конечном счете, снова отступая туда, где могли бы выдержать долгую осаду, они причинили серьезный ущерб врагу. К вечеру ошеломленный неприятель так и не мог понять, почему не одержал победу, – хотя еще не осознал, что потерпел поражение.

По ходатайству Алехандро, получившего повышение до чина команданте⁷, Ибаньес сделал лейтенантом одного рядо-

⁷ *Команданте* – звание в испанской армии, соответствует чину майора.

вого, который впоследствии и сам стал команданте, когда де Йепес заслужил звание генерала. Имя рядового было Хесус Рокамора, и, по его собственному признанию, он был родом из самой что ни на есть глухой дыры в Испании, из затерянного между двумя обширными пустынными пространствами к юго-западу от Касереса села в Эстремадуре. Большое озеро по соседству было единственным источником средств к существованию местных горемык, которые ловили рыбу и ходили продавать свой улов к португальской границе, так что жизнь их протекала между рыболовством и не менее утомительной ходьбой под жгучим солнцем летом и в библейскую стужу зимой. Имелся там и кюре, который перебивался, как все прочие, и мэр, рыбачивший целыми днями. По злобному капризу стихий вот уже десяток лет, как уровень воды в озере опускался. Молитвы и крестные ходы ничего не изменили: озеро испарялось, и будь то гнев Божий или матери-природы, следующим поколениям предстояло сняться с места или погибнуть. Но отныне, по иронии судьбы, которая умеет обращать мучение в желание, те, кто когда-то проклинал свою деревню, ощутили душераздирающую к ней привязанность, и хотя мало что в их жизни могло вызвать любовь, они предпочитали умереть здесь вместе с последней рыбой.

– Большинство людей предпочитают смерть переменам, – сказал Хесус Алехандро однажды вечером, когда, раскинув бивуак на небольшом тенистом плато, они размышляли над тем, что завтра им, возможно, предстоит умереть.

- Но ты ведь уехал, – заметил Алехандро.
- Это не из страха смерти, – ответил Хесус.
- А какая еще у тебя могла быть причина?
- Мой удел – изведать наготу и страдание ради людей. Это началось в деревне и должно продолжиться в большом мире.

Алехандро де Йепес держал Хесуса Рокамору при себе на протяжении всей войны. Этот сын Богом проклятой рыбалки был одним из тех двух человек, которым он, не задумываясь, доверил бы свою жизнь. Вторым был генерал Мигель Ибаньес. Глава Генштаба армий Короля, коротышка на таких кривых ногах, что поговаривали, будто он и родился верхом на лошади, пользовался репутацией лучшего наездника Короны и скорее вспрыгивал, чем садился в седло. С этой верхотуры он впивался в вас блестящими зрачками, и вам казалось важнее всего на свете угодить ему. Из каких нитей соткана способность командовать? Но в то же время в его взгляде таились усталость и грусть. Чаще всего он внимательно слушал, замечания отпускал редко, а приказания отдавал, как отдают должное другу, голосом, лишенным военной резкости, – после чего люди уходили, готовые умереть за него или за Испанию, без разницы, потому что призрак страха на какое-то время исчезал.

Следует представить себе, что значит существовать в краю жизни и смерти. Это странная страна, и только стратеги

говорят на ее языке. Они могут обращаться к живым и мертвым, как если бы те были единым существом, и Алехандро владел этим наречием. Ребенком, на какую бы дорогу он ни ступал, она неизбежно приводила его к стенам кладбища Йепеса. Там, среди камней и крестов, он чувствовал, что находится среди своих. Он не умел говорить с ними, но мирная тишина того уголка для него шелестела их речами. Впрочем, даже когда значение ускользало, музыка мертвецов проникала в него, добираясь до какой-то точки в груди, где становилась понятна без слов. В эти моменты великой наполненности он замечал краем глаза яркое мерцание и знал, что различает свет иной формы сознания, неизвестной и мощной.

Ибаньес тоже был одним из посвященных, в чем и черпал силу, делающую его великим вождем. На третий год войны он явился в Йепес, чтобы встретиться с Алехандро. Молодой команданте покинул Север и вернулся в замок, не представляя причин этого вызова. Шел легкий снег, Ибаньес казался мрачным, а разговор его был странным.

– Ты помнишь, что сказал мне во время нашей первой встречи? – спросил Ибаньес. – Что война будет долгой и придется гнаться за ней по пятам, срывая ее сменяющиеся маски? Все, кто этого не понял, к сегодняшнему дню уже мертвы.

– Из тех, кто понимал, что именно на кону, многие тоже мертвы, – заметил Алехандро.

– Кто победит? – возразил Ибаньес, как будто его об этом

спрашивали. — Меня столько этим донимали, и по поводу войны, и по поводу победы. Но никто никогда не задает правильного вопроса.

Он молча поднял стакан. Несмотря на нищету, замок гордился своим винным погребом, где вызревали великие вина, когда-то поднесенные Хуану де Йепесу, отцу Алехандро, а еще раньше — его деду, прадеду и так далее до древних седых времен. Вот как это происходило. В одно прекрасное утро где-то в Европе человек просыпался, зная, что должен пуститься в путь к некоему замку в Эстремадуре, о котором никогда прежде не слышал. Ему и в голову не приходило, что сама идея странная или невыполнимая, ни на мгновение путешественник не колебался, как не сомневался и в выборе направления на перекрестках дорог. Эти люди были процветающими винодельцами, в чьих подвалах хранились лучшие плоды их таланта, и они доставали оттуда чудесные бутылки, которые до того берегли на свадьбы своих сыновей. Они приходили к воротам замка, каждый вручал свою бутылку отцу, деду, прадеду или еще более далекому предку Алехандро, им предлагали перекусить и выпить стакан хереса; затем они без всяких церемоний отправлялись обратно, мгновение постояв на вершине башни. Вернувшись в свои земли, они каждое утро думали о том стакане хереса, щедром хлебе и лиловой ветчине; дальше день катился как заведено, но их близкие видели, насколько те переменились. Что же проис-

ходило в замке? Обычаи графов де Йеспес ничем не отличались от тех, что были приняты у людей их положения, и они не осознавали, что их замок вовлечен в некое странное действо. Никто не удивлялся, все шло своим чередом и забывалось, а Алехандро оказался первым, кого это озадачило. Но когда он задал вопрос, никто не сумел дать ответ, и детство он провел в ощущении, что с ним самим что-то неладно, и эта аномалия коренится в аномалии самого кастильо. Когда это чувство становилось таким сильным, что начинала болеть грудь, он отправлялся на кладбище и погружался в общение с мертвецами.

Следует возблагодарить его пристрастие к могилам, потому что тогда, двадцать лет назад, в ноябрьский день, когда погибла его семья, он находился на кладбище. Какие-то люди ворвались в замок и убили всех, кого там нашли. Никто так и не узнал, сколько было убийц, как они проникли внутрь и куда ушли. Ни один дозор, включая пастухов и старух, не видел, как они приблизились, словно они упали с неба и туда же вернулись. Алехандро покинул кладбище, потому что мерцание в тот день отливало кровью, но по дороге домой он не видел на снегу иных следов, кроме тех, что оставили косули и зайцы. И однако, еще не пройдя в ворота замка, он уже знал. Тело молило упасть на колени, но он продолжил свой мученический путь.

Ему было десять лет, и он остался единственным выжившим из своего рода.

Похороны были необыкновенными. Словно вся Эстремадура в полном составе пришла в Йепес и к ней добавились когда-то гостившие здесь путешественники из тех, кто успел вовремя добраться до деревни. Толпа получилась странная, да и все было странным в тот день: и месса, и процессия, и обряд погребения, и проповедь кюре, сутану которого вздымал бешеный ветер. Он задул, когда гробы вынесли из замка, и утих ровно на последнем слове заупокойной службы. Затем наступила тишина и длилась, пока колокола не зазвонили «Ангелус»⁸ и собравшиеся не почувствовали, что вернулись из неведомого края – он втайне и заполнял их сердца на протяжении всего дня, и это внутреннее путешествие по незнакомым дорогам не смогли нарушить ни бормотание священника на латыни, ни смехотворное шествие беззубых стариков. А теперь все просыпались от долгой задумчивости и смотрели, как Алехандро поднимается по крутому склону к форту. Один-единственный человек сопровождал его, и люди возносили хвалу деревенскому совету за решение передать ребенка в эти мудрые руки. Все были уверены, что он позаботится о замке и будет добр к сироте, заранее радовались тому, каким возвышенным вещам он его обучит, а главное, испытывали облегчение при мысли, что этот груз лег не

⁸ «Ангелус» – молитва к Пресвятой Богородице.

на их плечи.

Луису Альваресу могло быть около пятидесяти; по беспечности или злой воле богов он был и маленьким, и до-вольно сутулым, и очень худым. Но когда, принимаясь за тяжелую работу, он скидывал рубашку, видно было, как под кожей перекатываются сухие и на удивление крепкие мышцы. Точно так же на его заурядном и невыразительном лице блистали глаза цвета глубокой небесной лазури, и контраст между ничем не примечательной физиономией и всеведущим взглядом говорил все, что следовало знать об этом человеке. По своему положению он был местным интендантом: следил за поддержанием порядка во владениях, взимал арендную плату с фермеров, продавал лес и вел расходные книги. Зато по склонности души он был стражем путеводных звезд замка. Когда вечером они ужинали в кухне пустынного форта, Луис вел долгие разговоры со своим воспитанником, ибо этот человек, посвятивший себя служению сильным мира сего и пошлой торговле, на самом деле был великим мыслителем и блистательным поэтом. Он прочитал все, а потом еще и перечитал, он творил лирическую поэзию, какая может родиться лишь в пламенных душах, – поэзию заклинаний солнца и шелеста звезд, любви и креста, ночных молений и безмолвных поисков. Именно через поэзию, в те часы, когда творил ее, он прозревал краем сознания тот же свет, что Алехандро получал от своих мертвецов, и он был

единственным из всех, кто мог бы ответить на вопросы, которые мальчик задавал о паломничестве виноделов. Однако он молчал.

Итак, на протяжении восьми лет каждый день ближе к полудню все видели, как он спускается из форта в деревню вместе с мальчиком, садится за стол в трактире, всегда в одной и той же белой рубашке со стоячим воротником, в одном и том же светлом костюме, в одних и тех же потрепанных кожаных сапогах и шляпе с широкими полями, чья летняя солома при наступлении первых холодов сменялась на фетр, к чему зимой добавлялась длинная накидка из тех, какие носят всадники, охраняющие стада. Ему подавали стакан хереса, он оставался там в течение часа, и люди подходили к нему осведомиться о его последней поэме или о ценах на скот. Сидя он казался высоким, потому что держался прямо, положив ногу на ногу, одну руку на бедро, а локтем другой опираясь о стол. Время от времени он делал глоток, утирал губы белой салфеткой, аккуратно сложенной рядом со стаканом. Казалось, его окружает тишина, хотя он много говорил во время этих совещаний, превращавшихся в болтовню. Его элегантность никого не смущала, она возвышала и ободряла. Рядом с ним Алехандро помалкивал и узнавал жизнь бедного люда.

Один-единственный человек самого невысокого положе-

ния может держать на плечах целую страну. Счастливы края, пользующиеся поддержкой такого создания, без которого они были бы обречены на увядание и гибель. На самом деле все на свете можно воспринять двояким и прямо противоположным образом, стоит только увидеть величие вместо убожества или не заметить славы в прозрачности упадка. Бедность не умалила благородства замка; она не мешала наслаждаться ароматом великолепия и грезы, еще ярче сияющими в своей наготе; и пока Луис Альварес управлял фортом, крепость гордо высилась, хотя все знали, что ее земли больше не приносят дохода, а стены постепенно разрушаются. И после убийства семейства де Йепес интендант естественным образом возложил на себя все обязательства, которые издавна лежали на них. Он председательствовал на первом деревенском совете после трагедии, и совет этот, по позднейшим воспоминаниям, прошел с величайшим достоинством – а в нашем распадающемся мире такие воспоминания едва ли не ценнее самой жизни. Луис Альварес призвал присутствующих встать, после чего сказал несколько слов, чтобы почтить ушедших, и нет сомнений, что эти слова спасли Алехандро, не дав ему сойти с ума от горя, и сделали из него здорового человека, особенно последняя фраза, предназначенная именно мальчику, хотя Луис воздержался от того, чтобы бросить на него взгляд: *на живых ляжет долг мертвых*. Ребенок сидел справа от своего интенданта, с горячечными глазами, но неподвижный, как камень. Однако после этих слов лихорадоч-

ный блеск в его зрачках потух, и он завозился на стуле, как любой малыш его лет. Затем интендант призвал голосовать, как было принято у предков: называя каждый род и подтверждая решения ударами молотка. Когда рассмотрение и голосование закончились, он снова поднял собравшихся на ноги и попросил священника прочесть заупокойную молитву. А поскольку старик-кюре через слово запинаясь, он продолжил молитву сам, и к концу весь совет в полном составе хором подхватывал песнопение, однако не следует полагать, будто Луис Альварес царил в этом краю только потому, что неуклонно следовал установленным здесь ритуалам: интендант замка обрел естественную власть, сумев соткать связующие всех нити, корнями уходящие в землю столь духовную по природе своей, что человек, понимающий ее поэтичность, был рожден для того, чтобы править этой страной. Под конец, после последнего «аминь», женщины затянули старинную песню Эстремадуры. Сегодня этой песни никто не знает, и звучит она на языке, с которого никто не смог бы перевести, но боже, как же прекрасна была эта музыка! Пусть ее никто не понимал, каждый наслаждался посланием плодородных земель и грозových небес, где тягость жизни смешивается с радостью жатвы.

И наконец, именно благодаря Луису Альваресу в Алендро зародилось призвание к войне. Вечером того дня, когда ему исполнилось шестнадцать лет, они коротали время

у огня и подросток потягивал свой первый бокал вина. После смерти Хуана ни один посетитель ни разу не явился в форт, хотя бутылок с уникальным вином в погребах оставалось еще на несколько вечностей. Алехандро приканчивал свой второй стакан петрюса⁹, когда Луис прочел ему стих, написанный этим утром.

– Некоторые стихи я черпаю из сердца. Но этот пришел из иного мира.

На земле и на небе
Живите ради ваших мертвецов
И предстаньте нагими
Перед людьми,
Чтобы в последний час
Ваша честь призвала нас.

– Откуда берется честь? – спросил Алехандро, помолчав.

– От мужества, – ответил Луис.

– А откуда берется мужество? – продолжил спрашивать Алехандро.

– От преодоления страха. Для большинства из нас это страх смерти.

– Я не боюсь умереть, – сказал Алехандро. – Я боюсь, что на мне будет груз ответственности за людей, а я не справлюсь, потому что демон во мне одержит верх над анге-

⁹ *Петрюс* – одна из знаменитых французских марок вина бордо.

лом-хранителем.

– Значит, ты должен пойти туда, где сможешь вести этот бой.

Два года спустя Алехандро отправился в военную школу. У него не было ни денег, ни умения заводить знакомства, вот почему к началу войны он оставался простым лейтенантом; также у него отсутствовал дар интриговать ради карьеры. Единственное, чего он желал, – это учиться. Окончив школу, он сделал все возможное, чтобы попасть в подразделения, командиры которых пользовались уважением своих людей, – он действительно выучился и в день, когда началась война, решил, что готов.

Разумеется, он ошибался.

Сами обстоятельства преподнесли ему урок, а следующий он получил от простого солдата в вечер одного из первых столкновений. Алехандро уже заметил этого рядового, который доказал свою исключительную полезность, выполняя приказы. Что-то ему подсказывало, что тот родом из самых низов, но ничто в поведении Хесуса Рокаморы не располагало ни к фамиллярности, ни к снисходительности – в нем присутствовал тот аристократизм, который иногда встречается в людях, не рожденных в замке, но несущих в сердце долг дворянина. А еще он был красив: открытое лицо с точеными чертами, блестящие синие глаза и очерченные иглой кру-

жевницы губы. Как и Алехандро, он не отличался высоким ростом, зато имел прекрасную выправку, смоляную шевелюру, широкие плечи и руки, которые не были руками рыбака; добавим к этому склонность расцветчивать свою речь выражениями, от которых покраснел бы и драгун, тут же возвращаясь к абсолютной серьезности служителя высшим целям.

На пятый день войны отряд Алехандро был взят в клещи: лейтенант де Йепес понял, что наступил момент, когда его люди больше не понимают командира и, охваченные паникой, делают все наоборот. И вот каким-то чудом, одним из тех мнимых чудес, которыми изобилует история, Хесус Рокамора появляется рядом с ним и смотрит на него преданными глазами собаки, нетерпеливо ожидающей приказа хозяина.

– Надо развернуть артиллерию на северном фланге! – кричит Алехандро, которому появление человека, готового его слушать, показалось даром Провидения.

Потом он бросает взгляд на Хесуса, осознав, что тот должен находиться с третьим подразделением в шести километрах отсюда.

– И отступить к южному проходу! – кричит в свою очередь Хесус.

Именно эти приказания Алехандро уже отдавал ранее, причем неоднократно, но никто не смог или не захотел им следовать. А вот Хесус Рокамора заставил все исполнить. И что еще лучше, он больше не отходил от лейтенанта ни на

шаг, – едва приведя в действие очередной маневр, он возвращался, как пес к хозяину, ожидая следующего приказа, известного ему заранее. После двух часов перемещений, когда они оказались на том неописуемом перешейке, где любовью пук ангела мог низвергнуть в пропасть или указать безопасный спуск, Алехандро закричал ему: *ступай, ступай, не спрашивай меня больше!* Хесус глянул на него с непроницаемым лицом, и лейтенант повторил: *ну ступай же!* – тогда тот помчался, как мопс, и начал раздавать команды, не теряя больше времени на то, чтобы возвращаться к командиру.

Они выжили. Потом они поговорили. Они разговаривали каждый вечер и узнавали друг друга, ощущая братство, которое не признает иерархии. На следующее утро лейтенант и рядовой вновь обретали свои нашивки и сражались бок о бок, соблюдая должное уважение к званиям, но, когда Алехандро поделился своим намерением добиться для него более завидного статуса, Хесус ответил: *рыболовство останется единственным адом, который мне суждено узнать на этой земле.*

Тот же Хесус преподавал Алехандро самый серьезный урок ведения войны, превратив того из тактика в стратега.

– Это будет долгая война, – сказал он своему лейтенанту однажды вечером, когда они расположились бивуаком на маленьком тенистом плато.

– Значит, ты не думаешь, что мы скоро капитулируем? – спросил Алехандро.

– Мы хозяева этих земель и не отдадим их так запросто. Но победить – дело другое. Нашим командирам потребуется время, чтобы понять: хотя форма войны изменилась, ее суть остается прежней. Когда определятся линии фронта, и огромного фронта, мой лейтенант, какого еще не видавали, и когда до генералов дойдет, что никто не может достаточно быстро принимать решения, вот тогда они и поймут, что все было поставлено на тактику, и тактику устаревшую, а война остается тем, чем всегда была.

– Дуэлью, – сказал Алехандро.

– Смертельной дуэлью, – добавил Хесус. – Тактики можно менять и приспосабливать, но в конечном счете победителем станет лучший стратег.

– А что делает стратега лучшим? – спросил Алехандро.

– Идея всегда берет верх над оружием, – сказал Хесус. – Кто доверит оружейнику ключи от рая? Только Божья частица в нас решает нашу судьбу. Лучшим стратегом станет тот, кто посмотрит смерти в глаза и прочтет в них, что именно он должен не бояться потерять. Кстати, в каждой войне это свое.

– Рыболовы – вот истинные хозяева жизни, – улыбнулся Алехандро.

Тогда Хесус рассказал о часе своего прозрения.

– Я сын рыбака, но с первого взгляда, брошенного на озеро в возрасте, когда еще не мог ни ходить, ни говорить, я понял, что рыбаком не буду. Потом я забыл то, что знал. Взрос-

лея, я следовал по стопам отца. Я умел ставить и снимать сети, умел их чинить, и все прочее, нужное для этого промысла. Свои первые четырнадцать лет я прожил между снастями и рынком, не желая вспомнить о том первом взгляде. Но утром в день, когда мне исполнилось четырнадцать, я пошел на озеро. Лежал рассветный туман, и кто-то нарисовал пейзаж тушью; воды были черными, а туман выводил невероятные рисунки. Этот пейзаж... он бил прямо в сердце. У меня было видение высохшего озера, великого сражения и лица ребенка, которое мгновенно стерлось, сменившись лицом старика. Наконец все исчезло, туман поднялся к небу, а я в слезах упал на колени, потому что узнал, что предам отца и уйду. Я плакал долго, пока мое тело не иссохло больше, чем озеро из моего видения, потом встал и в последний раз взглянул на черные воды. В это мгновение я почувствовал, что мне доверена ноша, а еще что этот крест избавит меня от стыда. Я научился у священника читать и писать, а через два года вступил в армию.

Окруженный с детства благожелательностью старших и искренним расположением ровесников, Алехандро никогда не знал братской дружбы мужчин, вместе прошедших через огонь. В восемнадцать лет он считал армию той средой, где он исполнит свой зарок обрести мужество, и испытывал то чувство надежного плеча, которое рождается из ожидания боя. Но он никогда не встречал сердца, которое билось бы в

унисон с его собственным. Когда в последний год войны он вернулся в Йепес, чтобы устроить в замке свой генеральный штаб, он прошел пешком по деревенской улице, счастливый тем, что все пожимают ему руку, а старые знакомцы обнимают. Перед самым фортом он встретил старика-священника в сопровождении мэра, опиравшегося на трость. Они были одеты в черное, мрачные и неловкие, как два пугала, но лица их в кои-то веки сияли гордостью – за своего молодого господина, ставшего одним из величайших генералов этого времени. Их признательность и торжество переполняли сердце Алехандро волнением. Вышагивая рядом с ним, команданте Рокамора улыбался, а жители Йепеса любили его и за открытую улыбку, и за безграничную преданность их генералу – если бы вдобавок Алехандро знал, что они радуются его дружбе с Хесусом, потому что благодаря ей владелец замка стал должником рыбака, то его волнение, конечно же, умножилось бы десятикратно.

И вот они стояли вдвоем, молодой генерал и его молодой команданте, на вершине замковой башни – сейчас, когда войне уже стукнуло шесть лет и она успела принести все бедствия, какие всегда приносят войны. Они стояли на вершине высокой башни – так мир задерживает дыхание над полями битвы, на той высоте, где падение единственного камня может привести к победе или поражению.

– Снег пойдет, – сказал Хесус.

Алехандро только дважды видел снежный ноябрь – в месяц, когда погибла его семья, двадцать лет назад, и когда Мигель Ибаньес приехал в Йепес повидаться с ним, три года назад, когда противостояние приобретало размах, который никто не смог бы предвидеть. Поговорив о так затянувшейся войне, Мигель Ибаньес попросил отвести его на кладбище. Двое мужчин в молчании постояли у могил, и через какое-то время появилось обычное сияние. Снег начал падать мелкой крупкой; вскоре кладбище покрылось легкой пудрой, сверкающей в лучах уходящего дня. Когда они удалились, Ибаньес, казалось, полностью погрузился в свои мысли, просветленные и серьезные. На следующее утро, перед самым отъездом на жестоко морозной заре, он сказал Алехандро, что произвел его в генерал-майоры и доверил командование первой армией.

Три месяца спустя генерал де Йепес узнал о смерти генералиссимуса и понял, что его жизнь будет размечена смертями тех, кто ему особенно дорог. Уход Мигеля Ибаньеса стал для него не только личной трагедией, но и драмой армейского человека: штабу необходим был военачальник с характером Ибаньеса, а Алехандро никогда никого подобного ему не встречал. В его голове звучали слова, сказанные генералом в тот момент, когда он выходил за ворота форта:

– Главное – размышляй и слушай себя.

Хотя сам он был из Мадрида, Ибаньес рассказал, что в детстве проводил каждое лето в фамильном доме матери на

отроге горы недалеко от Гренады.

– Там я осознал власть идеи, – сказал он. – А что еще тебе может прийти в голову, когда ты видишь, как солнце встает над вечными снегами и вдруг вдали перед тобой возникает Альгамбра?¹⁰ Придет день, когда ее разрушат, потому что такова судьба творений человеческого гения, но сама идея не умрет никогда. Она возродится в ином месте, в иной форме красоты и мощи, потому что мы получаем ее от ушедших, которые говорят с нами из святилищ своих могил.

И, задумчиво поглядев на содержимое своего стакана, добавил:

– Вот почему я рассматриваю искусство войны как размышление в компании своих мертвецов.

Потом он замолчал. Спустя некоторое время он сказал последнее:

– Самой по себе идеи недостаточно, нужен еще доступ. Вот вопрос, который мне никто так никогда и не задал: от кого мы их получаем и в какое царство они нас отсылают?

– Мы получаем их от своих предков, – сказал Алехандро.

– Ты думаешь о доступе и забываешь о царстве. А вот наше собственное царство не сегодня завтра покроется лагерями, где начнут сжигать людей.

Я попыталась описать Алехандро де Йепеса через трех

¹⁰ *Альгамбра* – старинный дворцовый комплекс на востоке Гранады, уникальный архитектурный памятник.

главных персонажей в его юной жизни, живших теми же устремлениями, что и он сам. Почему некоторые рождаются для того, чтобы взять на себя бремя других, так что их жизнь превращается в череду сражений, каждое из которых и есть принятие этой ноши? С той поры и битвы, и ноша лепят из них вождей, за которыми войска или братья пойдут куда угодно, хоть сквозь врата ада. Однако груз человеческих душ не ведает пределов кладбищенской ограды, потому что мертвецы тоже часть народа, доверенного этим удивительным личностям, и эта чудовищная тяжесть царства усопших, эта жгучая обязанность отвечать на зов и есть то, что мы называем «жизнь мертвецов» – жизнь немая и пламенеющая, более насыщенная и изумительная, чем прочие, и некоторые живущие соглашаются стать ее посланцами.

Сыны! На земле и на небе!

Сыны! Ради мертвых своих живите!

Братья! Предстаньте нагими!

Братья! Пусть ваша честь нас обяжет!

Книга битв

戦 Битва

Чем эта война отличалась от предшествующих?

Получилось так, что Запад больше не знал своих мертвецов, может, потому, что слишком постарел и приближался к пределу, которого не желал видеть, а может, исчерпал свою мечту и искал ей замену. В любом случае ему не хватало шепота мертвецов, без которого никто не может жить достойно, — кто назовет подобающим существование, не получившее доступа к наследию?

Что до меня, мне с самого начала казалось, что исход битвы решится радикальным переписыванием грез истории. Никогда еще убийство не было так близко к тому, чтобы восторжествовать над поэзией.

殺人 Убийство

Жизнь Алехандро де Йепеса началась с убийства его близких, продолжилась насильственной смертью его покровителя и защитника, и он с полным основанием предчувствовал, что ему предстоит пережить и другие преступления. Зато он не знал, что его собственная история имеет свои истоки, возникшие задолго до того, как он увидел свет, – в давнем убийстве, участники которого были ему неизвестны.

Благодаря тому, что убил он не ради наживы, не ради власти, а лишь в силу смутного предчувствия, что его жертва послана дьяволом, этот убийца занимал особое место в цепи судьбоносных убийств, и оставалась надежда, что совершенное им могло оказаться благодеянием.

Возможно ли вообще уклониться от неотвратимости убийства? Надежда и ужас – все это предначертано заранее. Существуют лишь рассказы, лишь вымыслы, и я не стремлюсь узнать их прежде времени.

Темнее ночи

Уже больше двух часов пополуночи, а Алехандро де Йепес с высоты башни своего замка смотрит, как во тьме падает снег. Его только что разбудили, и он не уверен, что понимает происходящее.

– Как давно пошел снег? – спросил он.

– Два часа назад, – ответил Хесус. – За два часа выпало два метра.

– Два метра, – повторил Алехандро. – И ты говоришь, что эти люди пришли, не оставив следов?

– Наши часовые стоят так плотно, что муравей не проскользнет. К тому же ни один человек не может пройти по такому снегу. Не знаю, как они добрались, но точно не по дороге.

– По небу? – спросил он.

– Не знаю, – сказал Хесус. – Они вдруг появились перед нами в большом зале, и один из рыжих, заметив, что сожалеет о снеге, заявил, что ему нужно поговорить с генералом де Йепесом. – Он потер лоб. – Я знаю, мой генерал, с моих слов все кажется странным. Но я готов жизнь прозакладывать, что они не враги.

– Где они сейчас? – спросил Алехандро.

– В подвале, – ответил Хесус. – Так попросил рыжий. Дол-

жен заметить, полное впечатление, что он здесь все знает.

Они посмотрели друг на друга.

– Должен ли я велеть им подняться? – спросил Хесус.

– Нет, – ответил Алехандро, – я сам спущусь. – И добавил, развернувшись: – Что-то не так с этим снегом.

– Он падает не как обычно, – сказал Хесус.

Подвал простирался под всем замком. Это было гигантское помещение, освещенное факелами, которые интендант в свое время установил между рядами бутылок. На посыпанном песком глинобитном полу Луис вычерчивал граблями разные фигуры – как подсказывало ему сиюминутное настроение. Они оставались нетронутыми, когда на другой день он ступал по ним, что являлось отнюдь не единственным чудом этого места. Не обязательно быть архитектором, чтобы понять, что целый замок не мог стоять на подобной полости, лишенной всяких опор. Передвигаться там можно было по проходам между старинными медными стеллажами, но никто не знал, когда они были сооружены, да и сама расстановка вин оставалась загадочной. Луис убирал врученную ему бутылку в определенное место, а назавтра находил ее совсем в другом углу. Единственные бутылки, которые можно было без помех доставать из их гнездышек, располагались в конце последней линии, в самой глубине подвала, там, откуда он и взял петрюс на шестнадцатилетие Алехандро. И наконец, в некоторых случаях дверь в помещение остава-

лась закрытой, а когда она снова открывалась, все там было изменено, и только красота оставалась неизменной. Какой бы факел Луис ни зажег, от него струился радужный свет, отражавшийся в медных стойках и заливавший мерцанием все подземелье от края до края; подвижные линии из светящихся жемчужин обрисовывали в пространстве архитектуру прозрачную и совершенную по форме; переплетение глинобитных песчаных троп погружало в ощущение покоя; Луису приходилось выводить посетителя наружу, иначе тот остался бы там до конца своих дней.

В ту ночь подвал сиял еще ярче обычного. В наклонных сосудах вино переливалось оттенками бледного золота, и странный свет лежал на полу цвета матового серебра. В полутемном углу они обнаружили троих мужчин, которые горланили как скоты, укутавшись в темные плащи с капюшонами. Видны были огненно-рыжие пряди того, кто смеялся громче всех, а другой, темноволосый, был такого массивного телосложения, что те двое по сравнению с ним казались мелкими шалунишками.

Алехандро кашлянул, встав неподвижно в паре метров от троицы и скрестив руки на груди. На него не обратили внимания. Чужаки отыскиали где-то бочку, на которую поставили стаканы и внушительную батарею лучших вин. Разумеется, все трое были вдрызг пьяны. Заметив это, Хесус воскликнул:

– Ах вы, каналы!

Алехандро второй раз прокашлялся, с тем же успехом, что и в первый, пока один из пройдох ласково поглаживал бутылку редкого шампанского, приговаривая:

– А теперь нам не помешают пузырьки.

В то же мгновение его головной убор сполз назад, обнажив такую же огненную шевелюру; отблески от стояков скользнули по заостренным беличьим чертам; потом все опять скрылось в темноте. Сиял только хрусталь стаканов, куда лилось шампанское, на которое молча смотрели Алехандро и Хесус. Что-то было не так, но черт их задери, если они могли сказать, что именно, хотя это точно было связано с самой жидкостью, которую осторожно разливал второй рыжий. Остальные очень сосредоточенно наблюдали за его манипуляциями. Наконец они разом расслабились, и Хесус с Алехандро увидели, как пузырьки устремились в глубину узких бокалов и растворились в маленьком шипучем водовороте.

– *Santa Madre*¹¹, – пробормотал Хесус.

По иронии обстоятельств, хотя ни покашливания, ни восклицание не отвлекли выпивох, этот шепот заставил их мгновенно обернуться. Первый рыжий встал – не без труда – и ухватился за факел. Он затряс головой, издавая время от времени странные звуки. Однако он, казалось, был вожаком, потому что двое других смотрели на него, ожидая, что он предпримет.

¹¹ Матерь Божья (*исп.*).

– Сейчас, сейчас, – забубнил он.

Потом с покаянным видом обернулся к своим приятелям. Самый крупный ткнул пальцем в свой карман, и лицо рыжего осветилось, он залопотал: *ну да, ну да!* – и все трое, запрокинув голову, осушили флакончики, извлеченные из плащей. По мелькнувшей гримасе нетрудно было догадаться, что питье горькое, но самым замечательным оказалось то, что они протрезвели буквально в долю секунды и вскочили на ноги так уверенно, как будто до того и не думали опустошить полподвала, что заставило и Алехандро, и Хесуса заинтересованно приподнять бровь, поскольку оба не чуждались доброй попойки.

Присутствующие снова в молчании посмотрели друг на друга.

Главой отряда был маленький человечек с круглой головой и не менее круглыми глазами, пузатенький, со светлой кожей и бесчисленными веснушками; к этому прилагались солидный двойной подбородок и пышная шевелюра, а также сутулые плечи и курносый нос; одним словом, вид у него был не самый презентабельный. Но не бывает настоящего военного, который не умел бы распознать опасность под невинной оболочкой, и Хесус с Алехандро заметили, что взгляд мужчины свидетельствует о его самообладании, и каким бы безобидным и добродушным он ни казался, было бы опасно его недооценивать, а тем, кто совершил подобную ошибку, скорее всего, осталось не много времени, чтобы над ней

поразмислити, — короче, они видели, что этот симпатичный выпивоха один из своих.

— Я должен вам все объяснить, — сказал мужчина.

Темноволосый здоровяк сделал шаг вперед и коротко поклонился со словами:

— Маркус, к вашим услугам.

Второй рыжий последовал его примеру, также поклонившись:

— Паулус.

Завершил вожак, поклонившись в свой черед:

— Петрус, ваш покорный слуга. — И затем без малейшего смущения добавил: — Не желаете ли немного обратного шампанского?

Зависла пауза. Алехандро по-прежнему стоял со скрепленными руками и суровым лицом, прямой и безгласный, обратив лицо к чужакам. Хесус... Хесус, клянусь, не мог устоять перед предложением испробовать *обратного* шампанского. Всегда наступает час, когда самый здравомыслящий человек открывает в себе склонность к сумасбродству, тем более когда он уже видел, как ни с того ни с сего испаряются озера, а туманы слагаются на небе в загадочные письмена. К тому же, несмотря на причудливые обстоятельства, эти люди внушали ему доверие.

Алехандро с замкнутым лицом сделал шаг вперед.

Прошло еще несколько мгновений.

Он сделал еще один шаг и улыбнулся.

– Алехандро де Йепес, – произнес он, протягивая руку Петрусу. – Полагаю, вы были знакомы с моим опекуном? Он только что прошел позади вас.

– Да, мы свели знакомство чуть раньше, – ответил Петрус, пожимая ему руку. – Очень рад, что он и вам показывается.

– Ты его не видел? – спросил Хесуса Алехандро.

– Нет, мой генерал, – ответил тот. – Вы видели призрак интенданта?

– Как раз позади этого господина, – прошептал Алехандро, – как раз позади него.

Он сделал приглашающей жест в сторону бочки.

– Если вы будете так любезны оказать нам честь этим *обратным* шампанским.

Следует ли удивляться столь невозмутимому спокойствию? Алехандро так давно слышал голоса мертвых, что ему показалась вполне допустимой мысль еще и увидеть их. Появление Луиса, прогуливающегося по проходу, произвело должное впечатление, и теперь он не без интереса ожидал продолжения.

Они расселись вокруг импровизированного стола.

– Нужно только как следует сосредоточиться, – сказал Петрус, медленно разливая шампанское в два новых бокала.

– Прекрасный сорт и отличная выдержка, – заметил Хесус. – Было бы досадно пропустить такое.

– Вы еще главного не видели, – сказал Паулус. – Стоит по-

пробовать обратного шампанского, и пить, как обычно, уже не получится.

– Вы и со снегом проделываете то же самое? – поинтересовался Алехандро.

Петрус выглядел удивленным.

– Он падает, как обычно, на мой взгляд.

– Он говорит о Марии, – сказал Паулус.

– А-а, – протянул Петрус, – ну конечно. Да-да, кое-кто заставил снег падать для нас, потому он и выглядит, скажем, несколько своеобразно, чуть более задумчиво, что затуманивает вражеское восприятие.

– Самолетным радарам снег не помеха, – заметил Хесус.

– Я говорю не об этом враге, – возразил Петрус. – Вы наверняка заметили, как переменчив стал климат в последние годы – бури, стужа, наводнения.

– Это тоже ваша Мария? – спросил Хесус.

– Нет-нет, – сказал Петрус, – Мария распоряжается только снегом, а вот враг, именно он искажает климат. – И, поставив бутылку, добавил: – Зато шампанское и призраки – только в этом подвале.

Алехандро поднял свой бокал и вгляделся в бледную жидкость. От зрелища спускающихся пузырьков приятно зудел нос и возникало предвкушение маленького взрыва на языке.

Они оба ошибались.

В первом глотке оказалось так мало взрыва, вкус был настолько заурядный, а пузырьки напрочь лишены всякой вы-

разительности, что разочарованные Алехандро и Хесус тайком переглянулись.

– Подождите немного, – сказал Паулус с той снисходительностью, которую посвященные должны проявлять к заблуждениям профанов.

И действительно, чудо постепенно вступало в свои права: у обоих мужчин возникло ощущение, что они лежат в траве, глядя в небесную лазурь, в один из тех дней, когда судьба вам особо благоприятствует. Во рту распространился вкус земли в сочетании с легкостью пронизанного шампанским неба, пока их не охватила эйфория, природу которой они затруднились бы описать.

– Это благотворный дар того, что объединяет землю и небо, – сказал Петрус. – Когда пузырьки уходят в глубину, они сохраняют все небесные свойства вина, но удесятерят свойства, полученные от земли. – Улыбнувшись с великой нежностью своему стакану, он добавил: – Заметьте, вы мало чего добьетесь, если исходный материал недостаточно хорош.

Когда первый бокал был осушен до дна, Алехандро и Петрус улыбнулись друг другу, и Хесус обратил внимание на прекрасные серые задумчивые глаза рыжего.

– Какой дорогой вы пришли? – спросил он.

– Через мост, – ответил Петрус. – Мост, который связывает наш мир с вашим. – И, помолчав, добавил: – Для вас он невидим.

– Вы мертвы? – спросил Хесус. – Вы призраки?

Петрус удивленно на него посмотрел.

– Не думаю, что призраки пьют шампанское, – сказал он.

– Если вы пришли не из другой жизни, тогда откуда? – спросил Хесус.

– Есть только одна жизнь, и она объединяет живых и мертвых, – ответил Петрус. – Но есть множество миров, и наши издавна сообщаются. На самом деле первый переход через мост был совершен здесь, в Йепесе, хотя узнали мы об этом только вчера. – Ухватив бутылку шампанского, он добавил: – Мне предстоит рассказать вам длинную историю, это стоит того, чтобы пропустить еще по глоточку.

– Можно ли узнать, как называется ваша страна? – спросил Алехандро.

– Мы называем ее миром туманов, – ответил Петрус. – Мир туманов, где живут эльфы.

Наступило молчание.

– Эльфы? – сказал Хесус. – Вы пришли из мира эльфов?

Его разобрал смех.

– А может, вы и сами эльфы? – спросил Алехандро без всякой иронии.

Хесус уставился на своего генерала, как если бы увидел курицу в парике.

– Мне кажется, это было бы не удивительней всего остального, – сказал Алехандро в ответ на его взгляд.

– Они самые и есть, – подтвердил Петрус, – мы эльфы. – И

деликатно добавил, обращаясь к Хесусу: – Вижу, вы слегка удивлены, позвольте, я вам налью еще.

Он наполнил его бокал шампанским и легким движением подбородка велел Паулусу открыть следующую бутылку.

– Еще пузырьков? – спросил тот.

– Давайте-ка я вам предложу мое любимое вино, – любезно произнес Алехандро, как если бы предыдущие вина были взяты из неизвестных запасов.

Он направился вглубь подвала.

– Я полагал, что эльфы живут на Крайнем Севере, – сказал Хесус. – На Крайнем Севере сказок и легенд. – Он оглядел выстроившиеся рядом стаканы и добавил: – И что они не пьют.

– Вы также полагали, что Бог Отец живет на небе и тоже не пьет, – ответил Петрус. Глянув на закаменевшее от ужаса лицо Хесуса, он продолжил: – Я не говорю, что он пьет, я не говорю, что он не пьет. Просто мы все знаем, что дух мира не носит бороду и не устанавливал свой трон на большом розовом облаке.

Ужас Хесуса отнюдь не рассеялся, но вернувшийся из недр подвала Алехандро отвлек его внимание.

– Любопытно, – заметил он, ставя бутылку на бочку.

Петрус наклонился, чтобы прочесть этикетку.

– Амароне¹², – сказал он. – Легендарное вино.

¹² *Амароне Вальполичелла* – знаменитейшее вино Италии из подвяленного винограда.

Маркус нахмурился.

– Но у нас больше нет чая, – заметил он.

– Как непредусмотрительно, – сказал Петрус, продолжая улыбаться. Он повел носом и, казалось, обратился к кому-то невидимому: – Ты же принесешь нам, верно?

– В вашем флакончике был чай? – спросил Алехандро.

– Да, – ответил Маркус, – серый чай, очень крепкий.

– Чай нашего мира, – добавил Паулус. – У него... гм... особые свойства.

Он замолчал и бросил вопросительный взгляд на Петруса.

Но Петрусу было не до него, он признательно улыбался бутылке амароне.

– Эльфы, – сказал Хесус. – У вас там, наверху, тоже есть вино?

– Увы, нет, – ответил Петрус, и лицо его внезапно омрачилось.

Он отогнал прискорбное признание взмахом ладони.

– Вот почему так важны мосты, – сказал он. – И запомните хорошенько, это вовсе не *там, наверху*. Эльфы не живут на небе. Все и так достаточно сложно.

– Вы хотите сказать, среди ангелов? Вы их уже видели?

Петрус улыбнулся, явно забавляясь.

– Если на небе и случаются заторы, то исключительно из-за толчеи вымыслов, – сказал он.

Он отпил глоток амароне и испустил долгий вздох.

– Лучшее, что я когда-либо пил, – заметил он, – и это доб-

рый знак, так что я начну с самого начала.

Хесус засмеялся:

– Теперь, когда я знаю, что на небе нет ангелов, можно начинать откуда угодно.

– Но они есть на этой земле, – сказал Петрус.

Он любовно погладил стакан.

– Мост, который связывает мир туманов с миром людей, берет начало в священном месте, которое мы называем Храм Туманов. По приказу Стража Храма он позволяет соединиться с любой точкой на земле людей. Его арка окутана густым туманом, путешественник вступает в него, страж делает свое дело, и путешественник оказывается там, где пожелал. Эльфы могут перемещаться туда-обратно по своему усмотрению, а вот для людей это было невозможно. И однако, несколько дней назад четверо из них впервые прошли по мосту.

Он налил всем еще по стаканчику амароне.

– А теперь о войне. Эту часть вы знаете: линия фронтов огромна, идут бесконечные бои и никто не может окончательно взять верх. Конфедерация, которая два года назад была в шаге от победы, сегодня завязла в абсурдных тактических играх. Что до Лиги, она измотана длительностью конфликта и смертельной жестокостью бедствий.

– Расскажите нам о бедствиях, – попросил Алехандро.

– Эльфы не могут сражаться в вашем мире, – сказал Петрус. – А точнее, они теряют большую часть присущих им

способностей и не могут в этих сражениях убивать. Но мы умеем использовать естественные силы, хотя обычно не позволяем себе идти против природы. К несчастью, один очень могущественный эльф из нашего мира, тот, кто развязал войну, плевать хотел на этот запрет и вызывает подобные нарушения климата, используя его как оружие.

– Война развязана эльфом? – сказал Хесус. – А я думал, что это из-за интриг Рафаэля Сантанджело.

– Президент итальянского совета эльф, – сказал Петрус. У Хесуса отвисла челюсть.

– И все же Сантанджело только слуга, – продолжил Петрус, – перешедший в мир людей, чтобы помочь исполнению замыслов своего хозяина, эльфа-разрушителя, оставшегося в туманах. Мне жаль, что я был столь мелодраматичен, но такова приблизительная картина истинного положения вещей.

Возможно, дабы изгнать привкус мелодрамы, он налил себе третий стакан амароне.

– У него есть имя? – поинтересовался Алехандро.

– Мы зовем его Элий, – сказал Петрус.

– Античный Рим у вас в моде? – спросил Хесус.

– У эльфов нет людского обычая использовать фамилии, отражающие родство и происхождение. Так случилось, что один очень могущественный эльф, союзник Лиги, живет в Риме, ну, мы и попали под латинское влияние. – Он расплылся в широкой улыбке. – Что до меня, я позволил себе легкое кокетство, объединив Римскую империю и французский ви-

ноградник¹³.

Он вернул себе серьезность, присовокупив к ней добрый глоток вина.

– Не кажется ли вам странным, что Сантанджело не победил? – спросил он.

– Это всем кажется странным, – сказал Алехандро, – никто не понимает его стратегию.

– Вы ведь стратег и член высшего командования Лиги, – сказал Петрус.

Алехандро задумчиво посмотрел на него.

– Полагаю, Сантанджело не желает победы, – сказал он, – он не желает получить победоносный лагерь, зализывающий свои раны. Он хочет, чтобы люди гибли, все люди, независимо от того, из какого они лагеря. Я говорил это много раз, но никто не хочет верить, что после последнего конфликта найдется еще кто-то, стремящийся к тотальной войне. Но несмотря на это, я убежден, что именно таков замысел Сантанджело. Чего ради? Представления не имею.

– Над оккупированной частью Европы поднимаются черные дымы, – сказал Петрус. – Ваши самолеты засекли их. Что это, по-вашему?

– Костры, – сказал Алехандро. – Но что на них жгут? Петрус промолчал с мрачным видом.

– Так вот оно что, – сказал Алехандро.

¹³ Вино «Петрюс» производится в одноименном французском винодельческом хозяйстве.

– Никогда еще человеческая раса не выказывала такого рвения в уничтожении себе подобных, – произнес Паулус, – никогда еще эльфы не видели битв столь кровавых. Туманы тоже сражаются, и наши умирают миллионами.

– Вначале Элий хотел только смерти людей, – сказал Петрус, – но тот, кто возжелал смерти одного, рано или поздно возжелает смерти всех. Возжелает короноваться смертью, чтобы несколько избранных воцарились над сожженной землей.

– Почему он захотел смерти людей? – спросил Хесус.

– Потому что наши туманы истощаются и он винит в этом зле людей, – ответил эльф.

– Туманы моста? – уточнил Хесус.

– Туманы нашего мира, – ответил Петрус. – Мы мир туманов. Без них нам не выжить.

– Они ваш кислород? – спросил Хесус.

Петрус озадаченно на него воззрился.

– Наш кислород? Нет-нет. Мы дышим тем же воздухом, что и вы. Но мы эльфы. Мы сообщество туманов. – Он провел рукой по лбу. – Вот эту часть мне всегда труднее всего объяснить. Всякий раз забываю про вашу привычку все разделять.

– А может так случиться, что он прав? – спросил Алехандро. – Что именно на нас лежит ответственность за ослабление ваших туманов?

Петрус, Паулус и Маркус переглянулись.

– Мы задавались этим вопросом, – сказал наконец Петрус. – Но даже если так, это не оправдывает войны. Хотя я убежден, что истинная причина в другом.

– А в чем же тогда истинная причина?

Петрус улыбнулся.

– Закат поэзии? – сказал он.

Алехандро тоже улыбнулся. То, что Петрус упомянул поэзию, делало его братом Луиса Альвареса. Время повернуло вспять, и он вновь увидел своего опекуна потягивающим вино у камина.

– Чем больше я старею, тем упорнее ищу внутренний огонь, – говорил ему тот, – и тем чаще нахожу его там, где раньше видел только красоту. Ты молод и полон энтузиазма, твой ум свеж и пылок, но внутренний огонь – это нечто прямо противоположное. Стоит ему нас покинуть, и мы впадаем в трясучку и лихорадку, а когда он вновь овладевает нами, мы превращаемся в спокойное сумрачное озеро темнее ночи и неподвижнее камня. Только тогда в наших молитвах нет лжи.

– Я никогда не молюсь, – сказал Алехандро.

– О, ты молишься, – улыбнулся Луис, – ты молишься всякий раз, когда идешь на кладбище. Люди никогда так не молятся, как в моменты, когда прислушиваются, стараясь уловить голоса своих мертвецов. Но тебе придется молиться еще больше, если ты хочешь воздать должное земле и небу, и ты обязан наделить свои молитвы милосердием поэзии. В

этом внутренний огонь – и красота, идущая следом.

В полумраке подвала амароне придавало стаканам темный лаковый блеск, напомнивший Алехандро сумеречное озеро Луиса, и внезапно он отчетливо вспомнил сон, увиденный этой ночью. Он стоял в центре деревянной галереи, глядя на лесистую долину, где лежали туманы, несущие дыхание природы, веяние неуловимой трепещущей жизни. Алехандро долго смотрел на чудесный пейзаж, но мало-помалу им завладевала тревога. В тот момент, когда беспокойство перевесило радость от присутствия в этом месте, он обернулся и в темноте деревянного домика с голыми проемами без стекол заметил женщину. Он не мог разглядеть ее черты, но знал, что она молода, и ему показалось, что она ему улыбается. Тогда он проснулся. Уже много лет ему снилась эта женщина, с тех пор, как он покинул Йепес, чтобы стать военным, но на этот раз, едва проснувшись, он увидел ее лицо, ее бледность и глаза цвета ледника. Сейчас он не мог бы сказать, красива она или уродлива, он помнил только ее молодость, светлые волосы и вдумчивый взгляд. Он подумал, что она ему улыбалась, но она смотрела серьезно, и все его детство было в ее глазах, как и долины Эстремадуры, ее камни, бесплодные пустоши, отроги горы, на которой он жил, суровые зимы и фиолетовые зори.

– Говоря по-простому, – продолжил Петрус, – я думаю,

что наши туманы умирают потому, что все рано или поздно умирает. Единственная надежда спасти их – это смириться с тем, что они возродятся в иной форме. Вот к этому и прилагаем все усилия мы, то есть те, кто желает верить, что поэзия вечна. Другого выхода нет. Когда все закончится, мир, каким мы его знаем, будет мертв.

– Как волнующе, – произнес Хесус, – но вы нам так и не ответили, зачем вы пришли.

– Я к тому и веду, – сказал Петрус, не обижаясь, – к тому и веду.

Он допил свой стакан и бросил удрученный взгляд на пустую бутылку. Алехандро встал, снова отправился вглубь подвала и вернулся, бормоча: *любопытно*, как и в первый раз.

Петрус прочел этикетку и, кажется, растрогался.

Хесус тоже наклонился поближе.

– «Нюи-сен-жорж»¹⁴, – прочел он, – вино из Бургундии.

– Я часто там бывал, – сказал Петрус. – В первый раз со всем молодым.

Воспоминание доставило ему удовольствие, и он улыбнулся сам себе.

– И я вернулся туда ровно двадцать лет назад, как раз после посещения замка де Йепесов. – Он больше не улыбался. – Мы выбрали ваш форт, чтобы поместить в надежное место нашу подопечную, Марию, девушку, о которой мы уже

¹⁴ Ночи святого Георгия (*фр.*).

говорили, – ту, которой повинуются снег. Но когда я прибыл, всех ваших только что убили, и я решил спрятать Марию в Бургундии.

– Вы знаете, кто их убил? – спросил Алехандро.

– Пока нет, – ответил Петрус, – но все связано. Мы выбрали вашу крепость убежищем Марии именно в свете череды совпадающих знаков. Помимо иных указующих фактов, случилось так, что, как мы узнали несколько дней назад, первый эльф, перешедший в мир людей, скорее всего, оказался в Йепесе. Больше того, у замка тот же девиз, что и у наших туманов.

– *Mantendré siempre*¹⁵, – сказал Алехандро.

– Это также и девиз нашего Совета, – добавил Петрус.

– А Мария, какова ее роль? – спросил Хесус.

– Мария? – повторил Петрус, удивленный вопросом. – Она объединяет наши силы.

– Она эльф? – не сдавался Хесус.

Петрус на мгновение заколебался.

– Мы не очень понимаем, что она такое, – ответил он.

Хесус порывался продолжить расспросы, но эльф поднял руку.

– А сейчас, если не возражаете, я готов изложить, чего мы ждем от этой встречи. – Он бросил взгляд на свой стакан. – Помимо этих прелестей, – добавил он. – Разумеется, довольно трудно в двух словах изложить суть войны. Но получи-

¹⁵ Буду хранить всегда (исп.). (Примеч. автора.)

лось так, что завтра состоится последняя битва.

Хесус прыснул.

– Таких войн больше не существует, – сказал он. – Это вам не Александр в Гавгамелах¹⁶ и даже не Наполеон в Ваграмах¹⁷. Последних битв больше не бывает.

– Боюсь, что одна все-таки будет, – возразил Петрус, – и состоится она завтра, а вам отведена в ней определенная роль, если только мы сумеем навести для вас мост.

У него невольно вырвался тихий смешок. Он вдруг показался старым, но взгляд его был еще прекраснее, чем в начале рассказа: серый кремь, инкрустированный серебристыми блестками.

– Пора приветствовать нашу Даму и доверить ей продолжение истории, – сказал он.

Он встал, вместе с ним поднялись и два других эльфа, потом все трое обернулись и низко поклонились.

В полутьме позади них стояла девушка, которую генерал де Йепес уже видел в своих снах.

Темнее ночи

¹⁶ *Битва при Гавгамелах* – решающее сражение между армиями Александра Македонского и персидского царя Дария III в 331 г. до н. э. В результате победы Александр стал новым повелителем Азии.

¹⁷ *Ваграмская битва* – генеральное сражение Австро-Французской войны 1809 г. Наполеон Бонапарт разбил войска эрцгерцога Карла, тем самым завершив существование Пятой коалиции.

*Неподвижное камня
Озеро наших молитв*

Книга молитв

酒

Вино

Мои сородичи живут под зачарованной землей Йепеса, и нет места приятнее для наших собраний, чем подвал замка, ибо вино хранит в себе память веков, камней и древних корней.

Не следует удивляться тому, что эльфы не знают виноделия. Для тех, кто всегда вместе, реальности достаточно, они не люди, питающие склонность к вымыслам и к опьянению. Но вино людей – брат дружбы и сказаний. Оно подхватывает шепот усопших, придавая ему новую силу, которая далеко разносит их слова. Вино смягчает горечь одиночества, обращая его в изысканное отдохновение, рождающее множество цветов. Оно сочетает благородство земли и летопись небес, глубокие корни лозы и разомлевшие на солнце грозди – никто лучше его не расскажет сагу космоса.

И однако, из общего равнодушия детей тумана к виноградарству существует одно примечательное исключение: Петрус был эльфом из эльфов и в то же время знатоком вина. Он впитывал поэзию своего мира, но предпочитал человеческие истории, которые охотно слушал со стаканом в руке. Самим своим существованием он воплощал мостик, перекинутый

между двумя мирами, как и все остальные Провидением посланные персонажи этой войны.

Поэзия

Если и существует опьянение, общее для эльфов и людей, то это опьянение поэзией.

Дождливым днем или ночью при свете бледной луны откройте себя ветрам равнины и сочините стихи во славу древних поэтов. Дыхание мира пронизывает вас и уходит, но в плену ваших чувств оно принимает особую форму – так рождается поэзия.

Красива ли она?

Светловолосая, бледная и грациозная, она серьезно смотрела на них, и жизнь Алехандро накренилась и начала заваливаться.

Долгое время он надеялся, что война выкует в нем те качества, которыми в его мечтах и должен быть наделен человек. От Луиса он узнал, что человека должны направлять звезды, от Мигеля – что царство рождается из идеи, а от Хесуса – что сердце живет наготой. Войне он доверил заботу о том, чтобы полученные знания обратились в кладбищенское мерцание и он смог бы с честью нести ношу своих мертвецов. Но прошло шесть лет, а что-то по-прежнему от него ускользало, и теперь у него появилась надежда, что эльфы явятся недостающей деталью, которой не хватало для свершения его судьбы, приняв неизведанную, но куда более прекрасную и ужасную форму женского взгляда. Никто не знает, что происходит во вспышке встречи – в ней вечность сжимается до божественного головокружения, и потом нужно время всей жизни, чтобы она вновь потекла в человеческом измерении. Сколько времени будет у нас? – спросил себя Алехандро.

Юная женщина ступила в круг света факела и улыбнулась ему.

Вся жизнь Алехандро устремилась в эту улыбку. На него

нахлынули видения, и, как в том сне, он полетел над обширными пространствами, где обретались дни его детства. Ключ в пейзаже, сказал себе он и почувствовал, как по ладони скользнуло озарение, но, когда пальцы, сжавшись, вроде бы схватили его, он засмеялся над собственным желанием удержать воду сновидений. На склонах Эстремадуры смешивались грезы горных вершин и сны долин в глубоких низинах с их затерянными крошечными деревушками. Над горами – небо с бегущими тучами; на самом краю окоема – мерцание, которое всегда было рядом с ним; на пригорке возносились церковь, где ждало фортепиано. Откуда я это знаю? – спросил себя он, пролетая на спине невидимого орла над долиной с замком, потом над обширными плодородными равнинами и, наконец, над пригородами незнакомого города.

– Рим, – сказала молодая женщина.

Алехандро молчал, и она продолжила:

– Ты мне снился, когда я была в храме, и наши воспоминания смешиваются.

Алехандро оставался нем, и она, кажется, забеспокоилась. Неверный свет факела смазывал ее черты, но при слове *смешиваются* она сделала еще один шаг вперед. Сколько ей лет? – спросил он себя с ужасом. Поглядел на ее лицо, светлые волосы и прозрачные глаза. Возможно ли, чтобы у столь молодого существа был такой взгляд? – вновь спросил он себя, потом понял, что она пианистка. Красива ли она? – мелькнула мысль, и он с упоением осознал, что не знает, хотя

впитал каждую деталь и каждую черту. Еще он увидел, что у нее слишком большой лоб и слишком тонкая шея, и подумал, что она похожа на лебедя, затерянного под невозможными тропическими небесами. Какая нелепость лезет мне в голову, сказал он себе; все более растерянный и охмелевший от собственной растерянности, он рассмеялся. Спросил себя, сколько времени прошло с момента ее появления. Позади него кто-то прокашлялся, и он вздрогнул. Сделал шаг вперед и в свой черед поклонился.

– Вы Мария, – сказал он.

Послышался неясный шум, и рядом с ним, спотыкаясь, воздвигся Петрус с красным носом и мутным взглядом.

– Нет-нет, – сказал он, – Мария в Нандзэне¹⁸.

Тщетно пытаясь ухватить полу своего плаща, он чуть не рухнул на девушку. С удивительной живостью в последний момент удержался на ногах и пробормотал, глядя на нее:

– Малыш, пожалей дядюшку Петруса.

Она прижимала к боку плетеную корзинку, из которой достала три пузырька и протянула их эльфам. Они протрезвели с той же скоростью, что и в первый раз, и Петрус, резвей жеребенка, продолжил, обращаясь к Алехандро:

– Мария осталась в Храме Туманов.

– Меня зовут Клара, – сказала молодая женщина, и снова показалось, что она волнуется.

¹⁸ По аналогии с Нандзэн-дзи, дзен-буддийским храмовым комплексом в Японии, недалеко от Киото.

Петрус глянул на нее, потом на Алехандро.

– Я что-то пропустил, – пробурчал он.

Хесус в свою очередь поклонился Кларе.

– Вы сестра Марии? Вы обе эльфийки? – спросил он.

Петрус смотрел на Клару с любовью и гордостью.

– Ровно двадцать лет и один день назад родились две необычайные девочки, – сказал он. – Первая из них перед вами. Ее отец Страж нашего Храма, мать была женщиной замечательной, но по всей логике Клара не должна была родиться, потому что союзы между эльфами и людьми всегда были бесплодны. Вторая из этих детей, Мария, ждет нас в Нандзэне. Она родилась от Главы нашего Совета и его спутницы-эльфийки, но, в отличие от нас, у нее, как и у Клары, совершенно человеческая внешность.

– На мой взгляд, у вас тоже вполне человеческий вид, – удивленно сказал Хесус.

– Но не в наших туманах, – сказал Петрус. – Сами увидите, насколько мы отличаемся от вас. Мы обладаем постоянной внешностью, только когда мы здесь. Мария и Клара единственные, кто, несмотря на эльфийскую кровь, в обоих мирах сохраняют один и тот же облик.

– А на что вы похожи, когда вы там, наверху? У вас отрастают крылья? – спросил Хесус, упорно продолжая размещать и туманы, и крылатых существ на небесах.

– Ничего у нас не отрастает, – сказал в замешательстве Петрус. – Просто мы множественны.

– А у эльфов принято говорить по-испански? – продолжал расспрашивать Хесус со своей склонностью к прагматизму.

– Любой, кто побывал в Храме, может говорить на всех земных языках, – ответил Петрус.

– А какова роль Марии и Клары? – спросил Алехандро.

– Ну, спасти мир, – сказал Петрус.

– Всего-то, – прокомментировал Хесус.

– Вопрос, – продолжил Петрус, не обратив на него внимания, – каким образом. Шесть лет войны, а мы оставались по-прежнему слепы, пока четыре дня назад к нам в руки не попала серая тетрадь, явившаяся из шестнадцатого века. Она принадлежала одному эльфу, который тоже перешел сюда по мосту. Он был художником большого таланта, и от него у нас сохранилась одна картина, вы скоро ее увидите. Но самое удивительное и для нас самое интересное – это то, что он был первым эльфом, который окончательно остался в вашем мире и выбрал человеческую жизнь.

Петрус почесал голову.

– Это еще одна долгая история, и я не могу начинать ее сейчас. Скажем только, что в тетради содержится решающая информация как для исхода войны, так и для будущего наших туманов, и мы теперь в состоянии определить наш следующий шаг. Не тот, о котором мы могли бы мечтать, по правде говоря – новые знания вынуждают нас принять радикальное решение. Но мы оказались в таком положении, когда остается единственная альтернатива – рискнуть всем или

наверняка погибнуть.

– А кто принимает подобные решения в ваших туманах? – спросил Алехандро. – Это вы? – добавил он, обращаясь к Кларе.

Она засмеялась:

– Решения принимаются Советом Туманов.

– Где председательствует отец Марии, если я правильно понял, – сказал Хесус. – Значит, он ваш король?

– Глава Совета служит туманам, – сказала Клара.

– Ваши туманы живые? – продолжал допытываться Хесус, стремясь хоть что-то понять.

– Послушайте, нам пора уходить, – сказал Петрус. – Все, чего вы пока не знаете, вы узнаете, как только перейдете мост.

– Как только перейдем мост? – повторил Хесус.

– Мы постараемся перейти вместе с вами, – продолжил Петрус, – вот почему к нам присоединилась Клара, ведь человеческие существа могут перейти только в ее сопровождении.

– Полагаю, вы кое-что упустили, – сказал Хесус. – Генерал де Йепес командует первой армией. Он не покинет свой пост в разгар наступления, чтобы попить чайку в каком-то небесном храме.

Повисло молчание.

Потом Петрус почесал нос и сказал:

– Однако именно в этом и заключается наш план. – И,

обращаясь к Алехандро, добавил: – Это не будет дезертирством.

Он осекся. Алехандро смотрел на него, не видя, и сквозь него всматривался в полумрак. Петрус перевел взгляд в том же направлении.

– А вот и мертвецы, – пробормотал эльф.

У Алехандро перехватило дыхание.

Перед ним стояли все его мертвецы.

Они предстали такими, какими были в минувшие дни, и не зная Алехандро, что они мертвы, он поклялся бы честью, что это не призраки. Его семья, Луис, Мигель, солдаты, павшие под его командованием, давным-давно забытые жители деревни – все вернулись, вновь пройдя через врата смерти, и присоединились к сонмам живущих.

– Почему? – громко спросил он, и усопшее братство исчезло, за исключением Мигеля и Луиса.

У него возникло то же чувство, что восемнадцать лет назад, когда его близких несли на кладбище, и на похороны легла пелена оцепенения, как во сне. Он беседовал с вернувшимися из мира мертвецов Луисом и Мигелем через образы, которые те с ним разделяли; он видел своего опекуна, помолодевшего на тридцать лет, когда тот возглавил группу людей, идущих под палящим солнцем. Добела раскаленная земля наполнилась жужжанием насекомых, а люди шли

вперед с искрой священного огня во взорах. Он вглядывался в лицо и светлые глаза поэта, его лоб аристократа, тело заморыша и думал: какая же власть у этого человека! Возник новый образ. Мальчик пробирается сквозь травы по отлогому лугу. Вокруг его бедер длинные стебли сгибаются, чтобы вновь подняться скользящим лебединым взмахом. Он медленно идет по диким травам, а время исчезает, остается только движение по открытому полю. Мне ничего не нужно, кроме этого счастья, сказал себе Алехандро, и тут наконец Луис заговорил с ним. Он снова был зрелым мужчиной, сидящим за столом совета; стакан с хересом у его локтя кровавой вспышкой буравил пространство; и молодой генерал слушал слова, которые с улыбкой говорил ему опекун, столь прекрасный, столь обездоленный и исполненный такого достоинства в своей убогой вотчине.

– *Все будет пустотой и чудом*, – тихо проговорил Алехандро.

Он очнулся от грезы и увидел, что Хесус внимательно на него смотрит.

– Мы уходим, – сказал он ему. – Мы перейдем мост вместе с ними.

Все замолчали.

– Ты их не видел? – спросил он у Хесуса.

– Опять призраки? – произнес Хесус.

Снова молчание. Хесус вздохнул.

– Хочется верить, вы знаете, что делаете, – сказал он Пет-

русу.

– Ни малейшего представления не имеем, – ответил эльф. Он обвел взглядом огромный подвал. – Мы вернемся, надеюсь, – сказал он.

– Как вы собираетесь переправить нас? – спросил Алехандро.

– Как раз к этому я и веду, – сказал Петрус. – Это последнее, что вы должны узнать, прежде чем сменить мир. Туманы, серая тетрадь, картина и остальное – отложим это все для той стороны. А сейчас мы попросим вас проглотить особый чай, который не слишком хорош на вкус.

– Откуда вам знать, что ваш отвар нас не убьет? – спросил Хесус.

– Четыре дня назад Мария и Клара впервые перешли благодаря тому же чаю, – ответил Петрус. – Но они были не одни. С ними были два человека.

– Вы хотите сказать, настоящие люди? – спросил Хесус. – Не призраки и не полукровки?

– Настоящие люди, – подтвердил Петрус. – Самые что ни на есть.

– Они ждут нас там? – спросил Алехандро.

– Они нас ждут и, больше того, сейчас на нас смотрят, – сказал Петрус. – Священник и художник, а еще они оба солдаты.

По непонятной причине эти слова прозвучали для Алехандро эхом того, что сказал опекун, и он снова пробормо-

тал: *пустотой и чудом.*

– Время пришло, полагаю, – сказал эльф Кларе.

Девушка нежно ему улыбнулась.

– Я всегда слушаюсь дядюшку Петруса, – проговорила она с очаровательной иронией.

Потом достала из своей корзинки другие флакончики и, оказавшись лицом к лицу с Алехандро, улыбнулась и ему с чуть проказливым видом, означавшим: вот и попались мы на крючок, как две щуки. Влюбиться в разгар войны, подумать только! – сказал себе он. Второй раз за ночь он захохотал во все горло. Петрус подозрительно посмотрел на него, прежде чем поднять свой флакон, через призму которого мерцание мертвецов распространилось по подземелью во все стороны.

Каждый выпил свою порцию серого чая.

Несколько секунд ничего не происходило. У жидкости был чудовищный вкус брожения и разложения.

Они подождали еще пару мгновений.

Жизнь распалась на две равные части, которые рухнули по обе стороны бесконечности, а потом разом воссоединились под небом. Алехандро и Хесусу показалось, что это длилось нескончаемо долго, однако произошло вне времени. В тот миг, когда мир заволокло, перед их внутренним взором пронесли образы – поля, озера и облака в прекрасную погоду, и в их филигрании проступили любимые лица. Главное, у обоих появилось чувство, будто вечность превратилась в

путешествие и они могли бы навсегда остаться в этих лимбах, где ощущаешь странствие без движения и длительности, растворяясь в бесконечном пространстве, не знаящем ни местоположения, ни формы. И наконец все внезапно погасло в огромной пустоте чувств. Теперь они не могли оторвать глаз от развернувшегося перед ними зрелища.

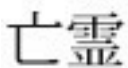
За алой аркой моста туманов, под черным небом, древний деревянный храм нависал над долиной белых деревьев. Во всем неподвижном пейзаже было лишь два цвета – белизна деревьев и чернота неба, не считая кармина моста, казавшегося пятном крови.

Тогда Алехандро посмотрел на Клару и понял, что она красива.

Красива ли она?

Для глаз пятно крови.

Книга картин

Призраки

Какой бы формой их ни наделяли, бесполезно отрицать существование призраков. Если мало кто из людей встречается их, кроме как в своем воображении, одно это уже показывает, насколько тесно они с ними связаны.

Откуда мы знаем, что случилось в давние времена? А ведь мы знаем. Кровь веков течет в наших венах, как река, и если только мы не глухи к посланиям земли и неба, она несет с собой наследие народов, которые были прежде нас.

Это не магия и не химера. Кто может забыть первую черту, проведенную в час, когда писался пейзаж мира?

快活 **Веселье**

Клара не всегда была лукавой и веселой. Ребенок, слишком долго замкнутый в недрах собственного сердца, она впервые засмеялась только на одиннадцатом году жизни. Но любовь и война омыли эту одинокую душу той веселостью, которая нужна каждому, – если верно то, что сказал однажды один из великих людей: веселость – это самая приятная форма мужества¹⁹.

¹⁹ Анатолий Франс. «Литературная жизнь».

Все будет пустотой и чудом

Группа пришедших с земли людей стояла на мосту туманов, под чернильным небом с проблесками света. День всплывал из мрака, освещая пейзаж. В самом сердце его алая арка моста сияла с несказанной силой. В отличие от окружающего мира существа из плоти сохранили присущие им краски.

– Я не понимаю, что вижу, – сказал Хесус.

– Вы видите суть нашего мира, – сказал Петрус. – Когда посмотрите на него глазами чая, вы увидите нечто более нормальное.

– Еще чая? – пробормотал Хесус.

Под их ногами дерево слегка подрагивало.

– Добро пожаловать в Нандзэн, – сказал Петрус.

Черное небо потрясало Алехандро. Оно простиралось выплеском акварели, и глаз невольно следовал ленивым муаровым разводам в те моменты, когда они перетекали в новые чудесные фигуры. От жидко-чернильного неба исходил свет, словно состоящий из тех темных лаков, которым невидимые мазки кисти придают прозрачность текстуры. Хотя Нандзэн, за исключением моста, был полностью черно-белым, ощущение природной естественности в нем присутствовало сильнее, чем где бы то ни было. Белизна деревьев обнажала их

остов, ничуть не умаляя общей красоты, и в центре этого растительного театра возвышался Храм Туманов. Он открывался ветрам всеми своими голыми проемами без стекол, и, хотя сам он был квадратным, эти проемы располагались асимметрично. Их изломанный ритм, без сомнения, предлагал более гармоничный вид на окружающий пейзаж; по мере того как взгляд перемещался от окна к окну, панорама слагалась в прекраснейшую музыку; но если бы обоим мужчинам задали вопрос, что именно они видят, их ответ был бы прост: старую хибару, открытую всем грозам. Вокруг постройки шла галерея, покрытая патиной лет, и Алехандро понял, что здание это не остаток прошлого, а его дух. Бессмыслица какая-то, подумал он прямо перед тем, как на него снизошло новое озарение.

– Его линии идеальны, – сказал он громко.

И подумал: этот убогий приют – верх пропорциональности.

Над обнаженной территорией царил алый мост. От окутанной густыми туманами арки исходило ощущение неизведанного согласия.

– Мост туманов – это мост природных связей, – сказал Петрус. – Он поддерживает единство нашего сообщества. Но также он осуществляет слияние и синтез наших миров.

Он замолк.

– Вы узнаете всю историю, – снова заговорил он, – но сейчас не следует заставлять ждать комитет по встрече.

И действительно, выйдя из храма, к ним двигалась делегация, и моя честность историка обязывает сказать, что Алехандро и Хесус были ошарашены ее видом. Женщина и двое мужчин в сопровождении четырех существ, столь же абсурдных, сколь и великолепных, шли им навстречу по дороге из черных камней. О том, какое впечатление женщина произвела на Хесуса, поговорим позже, а в данный момент его переполняли эмоции при виде эльфов, какими они были в своем родном мире. Ростом выше людей, они, казалось, состояли из животных разных пород, которые словно переливались одна в другую, слагаясь в плавную хореографию метаморфоз. Во главе делегации вышагивал белый конь, одновременно человек и вепрь, который последовательно *становился* каждой из своих составляющих сущностей. Светловолосый мужчина с глазами цвета ледника превращался в снежного коня, потом его ноздри становились широким пышущим рылом, отрастали клыки, и он был уже диким вепрем, прекраснее всех, каких видел Алехандро в своих владениях в дни большой охоты. Время от времени на лице этого создания мелькал отблеск древнего водного потока, и Алехандро увидел в клубах тумана, что мост нависает над серебристой рекой, окаймленной дикими травами. От эльфа исходило благоухание вечности, наполнившее молодого генерала самым великим почтением. Второй в эскorte, темноволосый мужчина, а мгновением позже – конь, словно отлитый

из ртути, внушил ему неменьшее уважение. Его одежда была прекрасного оттенка, присущего меху зайца, в которого он обращался чуть позже, бежевого с каштановым, изумительно шелковистого, и по ней пробегали мягкие волны дрожи.

– Страж Храма и Глава Совета, – сказал Петрус.

Что за земля может породить подобных вождей, похожих на богов? – подумал Алехандро.

– Высшие эльфы обычно производят именно такое впечатление, – тихонько добавил Петрус.

Позади повелителей туманов два других эльфа сменяли тонкость человеческих черт на роскошь облика диких лошадей, а третьей их ипостасью была белка у одного и белый медведь у другого. Их вид не вызывал невольной глубокой почтительности, и у Алехандро мелькнула мысль, что по сравнению с высшими эльфами они скорее младшие, но красота их волновала даже больше, потому что дышала невинностью. Петрус в свой черед стал спускаться с арки моста, и Алехандро с Хесусом последовали за ним, стряхивая с себя оцепенение и отметив при этом, что они странным образом свыклись с черными небесами. Когда их эльфийские спутники ступили на каменную дорогу и тоже начали трансформироваться, стало видно, что все трое обладают природой человека и коня, а Петрус вдобавок обращался в самую прелестную пузатую веселую белку, какую только можно себе представить. Потом белка уступала место небольшому рыжему

коню с красивыми серыми задумчивыми глазами. Рядом с ним Паулус тоже становился белкой, а Маркус принимал вид большого бурого медведя. В тот момент, когда они обретали человеческий облик, их тела покрывала необычная одежда. Она походила на мягкую натуральную ткань, по которой пробегали волны, уходящие вместе с исчезновением человеческой природы. Вероятно, можно было бы определить, из каких нитей она соткана, но она облегла тела, сохраняя оттенки шкур животных, и Хесусу хотелось прикоснуться к ее сиянию и плоти.

А вот Алехандро был больше зачарован дорогой, которая вела к храму. Широкие и плоские камни внизу, под ногами, отражали деревья долины, как если бы те были над ними. Вдоль дороги деревья не росли, но от плит исходило волнение ветвей под ветром, и возникало ощущение, будто шагаешь под густыми кронами. Он поставил ногу на первый камень и был потрясен невидимой речной волной, проходящей сквозь твердость минерала.

– Вы скоро увидите жидкие камни, – сказала прелестная щекастая белка, из которой снова возник Петрус.

Позади четырех эльфов шествие замыкал священник в сутане. У него было благородное открытое лицо и объемистая фигура с пузом, выдававшим пристрастие к земным радостям. Он сразу же понравился Алехандро, который не любил священников, и Хесусу, который их почитал, из чего мы

можем сделать вывод, что в лоне Церкви им встречались совершенно разные люди, ибо там во множестве попадаются как убогие души, так и истинные первопроходцы, которые отправляются исследовать неизведанные земли, не стремясь просвещать иные умы, кроме своего собственного. А главное, добродушный вид не мог скрыть его взгляд – так смотрит человек, который многое повидал и благодаря этому обрел величие. Он шел, положив руку на плечо другого мужчины, высокого и очень красивого, того же возраста, что и святой отец – около шестидесяти, наверное, – который, по словам Петруса, был художником. Мужчина улыбался ему с утонченностью, рожденной из насмешливого отношения к самому себе и неизбежно сопутствующего ему уважения к другому, и он также понравился Алехандро и Хесусу.

Но молодая женщина в знак приветствия подняла руку. От нее исходила особая властность, хотя выглядела она хрупкой – темноволосая и темноглазая, скорее худая и очень породистая, с золотистой кожей и губами цвета свежей крови. На коже лица проступали тонкие сосуды, которые расходились концентрическими кругами от переносицы. В какие-то моменты они становились бледнее, расплывались и почти исчезали. Потом снова начинали пульсировать, затемняя ее исполненные строгости черты. Вдруг она улыбнулась, и Алехандро увидел, что улыбка предназначалась Кларе.

Чуть обернувшись, он бросил взгляд на молодую женщину, и у него перехватило дыхание. Та в ответ улыбалась Марии; он увидел в этой улыбке столько сестринской любви и сочувствия, что его собственная страсть вспыхнула еще сильнее. Теперь он знал, что будет долго молиться в ночи, и более не о том, чтобы погибнуть с честью, но чтобы это пламя не угасло под пятой врага. Как смогу я перенести его потерю? – спрашивал он себя, думая не столько о том, что испытывает сам, сколько о том, что воплощает Клара. Так Алехандро де Йепес на тридцатом году жизни родился для любви. Ни самоотверженность в бою, ни клятва отдать в сражении всю кровь до последней капли, ни преданность земле своих предков, ни поэзия Луиса и мысли Мигеля не смогли так ясно указать ему путь, и если он подумал, что приблизился к нему, когда стоял лицом к лицу со своими мертвецами, то был не прав в одном: ему по-прежнему не хватало эха другого дыхания. Сейчас он с пронзительной ясностью понял, что до сих пор хотел только брать, а не отдавать, и лицо обдала жаркая волна стыда. Эта волна отчасти коснулась его в подвале, когда он почувствовал, что любит, потому что эта любовь возвышала его. Но улыбка, какую Клара послала Марии, как порыв буйного ветра, выдернула последние гвозди, которые не давали ему оторваться от прежней жизни, а между тем возникшее стремление к дару, до которого он пытался дотянуться благодаря ей, меняло один за другим все параметры его сердца. Теперь он понимал урок Луиса,

когда тот говорил про воодушевление, порожденное пылкостью, когда внутренний огонь способен омыть нас тихими водами, – этот огонь не давал ему понять, красива ли Клара, что ничуть не умаляло его желания.

Посольство союза людей и эльфов, пройдя еще несколько шагов, остановилось. Вблизи красота эльфов была едва переносима. Ее питало совершенство человеческих и животных форм, сливающихся в медленной хореографии взаимопревращений, а еще то, как эльфы умели выражать свои чувства в форме легких излучений, которые образовывали в пространстве рисунки, – и, будь то гордость, грусть, усталость, доброта, баловство или отвага, возникала симфония воздушных абрисов, непонятных, как абстрактные картины, но делавших их внутренний мир доступным человеческому взгляду. Алехандро глянул на Петруса и был поражен графюрами, которые единственная в цивилизованном мире белка-пьяница выводила в воздухе вспышками скачущих линий. Там было и мужество, и граничащая с фривольностью дерзость, чистосердечие и упорство, а еще омытая древней мудростью череда юношеских надежд, и благодаря сочетанию легкости и глубины младший эльф, каким считался Петрус, в действительности достигал величия.

– Мне это снится или у них что на сердце, то и на лбу написано? – пробормотал Хесус.

Потом оба мужчины опустились на одно колено, привет-

ствуя эльфов из земли туманов и сопровождавших их людей.

Преклоняя колено, Хесус Рокамора почувствовал, что отчасти возвращается в реальность. Прикосновение к камню несло теплоту, и ему понравился трепет органической жизни внутри. Первые минуты оказались чередой потрясений: сначала отсутствие цвета, затем молодая темноволосая женщина, наконец, сами эльфы и их фантастическая множественность. Сейчас, когда он понемногу привыкал к черному небу и триморфным существам, в нем поднималось истинное осознание смены мира.

– Добро пожаловать в Нандзэн, – сказала Мария.

У нее был низкий голос, навеявший на него неувловимое воспоминание. По непонятной причине он подумал о своей единственной встрече с Луисом Альваресом на второй год войны – единственной и короткой встрече в том январе нескончаемой стужи и измученных солдат. Расставаясь, Луис прочел ему три строчки. Если некоторые люди сами не владеют словом, это не означает, что на их долю не выпадет стиха, который искал их по воле звезд и станет отныне верным спутником в дни славы и во времена скудости. Эти три строчки были единственным литературным творением, которое добралось до Хесуса, зато он сразу принял их как нечто свое. Прочтя их, Луис добавил:

– Эти строки особенные, потому что я знал их еще до того, как сочинил.

— А разве не всегда люди знают заранее, что сочиняют? — спросил Хесус.

Луис засмеялся и ответил:

— Если ты хороший ремесленник, то, наверное, да. Но если ты хочешь быть поэтом или воином, нельзя бояться заплутать.

В печалях Текучая душа Я сплю укутавшись в тучи

Эти строки перенесли Хесуса в огромное белое безмолвие. В сердце этой тишины зарождалось некое ощущение, и, хотя объяснить он этого не мог, оно несло ему весть об искуплении. Потом все прошло, и если Хесус вспоминал о трех строчках, то только в отчаянии от невозможности понять, какое воздействие оказывают они на его жизнь, — однако сейчас перед ним стояла молодая женщина, с лицом в узоре темных прожилок, и стихи обретали плоть, найдя отклик в ее страсти и печалях. Хесус, как и все мы, был странной разнородной смесью. Из своего детства на озере он вынес убеждение, что жизнь — это трагедия, а его бегство обязывало без жалоб эту трагедию выносить. Он был христианином, поскольку посещал местного священника, хорошего человека, которого упорное стремление непрерывно молиться сделало беспомощным и чудесным, и тот внушил ему, что у каждого свой крест, он и дает право жить, несмотря на отступничество. Хесус нес свой крест без горечи, с веселостью, удивительной в человеке долга и укоров совести, к чему прилагалось чистое сердце и вкус к жизни, без которых

взятое на себя бремя раздавило бы его. И пусть он не знал, что пришлось пережить Марии, ему были знакомы и ее боль, и привкус угрызений; он подумал, что туманы озера его детства поднялись к небу, чтобы облегчить им обоим их тяготы; и что стихи Луиса каким-то образом объясняли их встречу, подобно тому как связывали их судьбы. Конечно, будучи человеком, которому чужды как самокопание, так и стихи, он говорил себе это другими словами, и ничего удивительного, что в результате возникла единственная мысль и в нее он вложил всю свою надежду: *мы будем страдать вместе*.

– Меня зовут Мария, – добавила она.

Потом повернулась к мужчине, который был также серой лошадью и зайцем.

– Мой отец своей властью в Совете Туманов просил меня встретить вас здесь.

– Добро пожаловать в Нандзэн, – произнес в свою очередь Глава Совета.

– Добро пожаловать в Нандзэн, – повторил за ним мужчина, бывший белым конем и вепрем. – Как Страж Храма, я имею честь оказать вам прием. Вы те, кого мы не ждали, но похоже, что де Йепесы играют свою роль в истории нашего моста.

Алехандро и Хесус поднялись, отметив про себя, что уже не находят ничего странного в беседе с конем или зайцем.

– Как мы должны вас называть? – спросил Алехандро.

Глава Совета улыбнулся:

– Вот первый вопрос, который задают все люди.

Он издал мягкую руладу, которая не была настоящей мелодией, скорее влажным звуком, в котором струилась древняя река.

– Это мое имя, – сказал он.

И обратился к своим на том же музыкальном природном языке, омывшем души Алехандро и Хесуса летним дождем. Это было так прекрасно и в то же время так глубоко вписывалось в пейзаж, что от Нандзэна у них закружилась голова.

– Но мы любим и язык людей, – продолжил Страж Храма, – и мы с удовольствием берем себе их имена. Для вас я буду Тагором.

– Солон, – представился вслед за ним Глава Совета.

Хесус, для которого все остальные отошли в тень, смотрел на Марию. В тот момент, когда страж перешел на язык эльфов, он увидел, как в ее зрачках вспышкой промелькнули деревья, отраженные в каменных плитах, и понял, что в ней жили невидимые густые кроны, воспоминание о которых было настолько неизгладимым, что иногда превращалось в видение.

– Как и ты, я выросла на скудных землях, но там были очень красивые деревья. – Она обернулась к священнику и художнику и сказала: – Вот два человека, которые когда-то их видели.

Мужчины выступили вперед и поочередно пожали руки

Алехандро и Хесусу.

– Алессандро Ченти, – представился художник. – Дома, в Италии, меня звали Сандро.

Священник неожиданно склонился в коротком поклоне.

– Отец Франциск, – сказал он, – счастлив, что наши пути пересеклись.

Хесус перекрестился.

– Вы француз, святой отец? – спросил он.

– Так и есть, – ответил священник.

– Мы сейчас на небе? – не удержался от следующего вопроса Хесус.

Отец Франциск глянул на Петруса и засмеялся.

– Если это так, то ангелы выглядят немного странно, – сказал он. И посерьезнел. – По правде говоря, я не знаю, реально ли все это, или только мне снится.

– Те, кто пьет, знают, что истина находится на дне бутылки амароне, – сказал Петрус.

– Я единственный, кто может сказать, что находится на дне итальянской бутылки, – заявил Сандро.

– Экстаз, – сказал Петрус.

– И трагизм, – добавил художник.

Мария, обращаясь ко всей компании, сделала приглашающий жест в сторону храма:

– От имени Совета Туманов приглашаю вас выпить вместе чаю.

Она чуть склонилась перед Тагором и возглавила группу,

двинувшуюся по дороге Нандзэна.

Нандзэн. По мере приближения к храму внизу перед ними открывалась долина с высокими деревьями, границы которой скрывались в густых туманах. Сам храм, построенный на скальном выступе, стоял на столбах, уходящих в густой мох, где поблескивали жемчужины росы. Вокруг древнего домика шла галерея, к которой вели истертые ступени. Когда Алехандро поставил ногу на первую из них, он ощутил короткую, но сильную вибрацию. Он вошел сразу за Тагором, Солоном и Марией. Остальные члены делегации следовали за ним, Клара и Петрус замыкали процессию. Снаружи строение казалось скорее тесным, и Алехандро с Хесусом были удивлены, обнаружив, что оно не только достаточно велико, чтобы принять их всех, но и оставляет впечатление свободного пространства. Ступая с галереи внутрь, они почувствовали, что проходят через невидимый тамбур, и теперь звуки мира звучали приглушенно. Станным образом Алехандро показалось, что покой этого места той же природы, что и туманы долины, – нечто эфемерное, сотканное из глубокого дыхания жизни. А вокруг благодаря проемам, которые выделяли из панорамы самые насыщенные уголки, пейзаж превращался в череду картин. В глубине – алый мост, окаймленный тесной рамой небольшого окна так, что виднелась только восходящая часть его арки; узкая перспектива рождала абстрактное видение красной точки, брошенной на поверхность чернильного озера. Мощь картины усилива-

лась подчеркнутой другими проемами роскошью деревьев и туманов, исчезающих и возрождающихся вновь. Каждый завиток тумана, каждое колебание ветки под ветром, каждый перелив неба неустанно слагались в конфигурации высшей красоты.

Белый медведь указал каждому место на полу павильона. Тагор и Солон расположились друг против друга и приготовились вести собрание.

– Кватрус, к вашим услугам, – сказал белый медведь, слегка поклонившись.

– Хостус, – представился другой младший эльф как раз в тот момент, когда обращался в белку. И добавил: – Мы сегодня будем помощниками.

Деревянный пол был гол, если не считать тонкой серебристой пыли, которую не потревожили их шаги. Легкий ветерок выписывал на ней подвижные арабески. На одной из стен песчаного цвета – единственное видимое украшение, полоса светлой ткани с неизвестными письменами, красивыми, как рисунок, и выведенными чернилами, схожими с небом. К стене, выходящей в долину, между двумя проемами с видом деревьев в тумане была придвинута скамья, на которой стояли чашки, заварные чайнички, глиняные чаши и несколько лопаток и ковшей из необработанного дерева. Кувшины с сухим чаем выстроились под скамьей. Рядом, на жаровне, прямо на полу побулькивал большой чугунный котелок.

Ни звука, ни движения в комнате, кроме кипения воды и танца серебряной пыли. Кватрус и Хостус поставили перед каждым гостем две маленькие чашки разной формы и размера, потом Кватрус принес Тагору чайничек, чашу и кувшин с чаем. Страж Храма достал оттуда что-то вроде коричневой ломкой лепешки и отделил от нее часть. Хостус зачерпнул из чугунного котелка, и Тагор вылил на раскрошенный чай первую воду, которую сцедил в чашу. Наконец помощник принес ему новый ковш, который он, как и первый, вылил на листья.

Внезапно страж издал мягкую трель, и все переменялось. Власть ритуалов придает людям немного чопорное достоинство до того момента, когда она перетекает в транс и, заставляя покидать свое тело, придает им силу расти над собой. В Нандзэне эльфы не утратили свою беспечность, но в их взгляде появилось осознание красоты и суетности мира, уверенность в том, что надвигается тьма, и желание почтить то, благодаря чему живые создания могут выстоять под небесами, несмотря на войну. Время шло, империи рушились, живущие погибали; в сердцевине этих невзгод скрывалась толика благородства; то был момент, требующий серьезности, но не торжественности, почтения без доли формальности, а еще веселья, сколь бы важен ни был наступающий час.

Серебристый отблеск на лице Тагора стал резче. Что-то

подымалось в нем из глубины. Преображение было неуловимым, но Алехандро вспомнил Луиса Альвареса, прекрасного своим уродством недомерка, озаренного внутренним огнем, которого этот пламень делал страшнее убийцы, и видел, что Тагор из великолепного становится опасным. Откуда берут они такие силы? – спросил себя он. Оглядевшись вокруг и заново увидев обнаженность храма, чернильные письма, серебряную пыль и окутанные туманом деревья в просвете окон, он ответил себе: из красоты.

– А следом за ней – внутренний огонь, – пробормотал Петрус по его левую руку. – Заметим, что того же можно добиться поэзией, а еще лучше – амароне.

Солон глянул на него, и он замолк, невольно тихонько посмеиваясь.

Тагор встал и налил чай в первую чашку, поставленную перед каждым гостем. Вернувшись на место, он поднял свою на уровень глаз, но, к удивлению Алехандро и Хесуса, перелил ее содержимое во вторую чашку. Они последовали его примеру, потом, как и остальные, поднесли пустую чашку к ноздрям.

Они думали, что почувствуют редкий аромат; в нос им ударил запах пыли и подвала. Он принес столько наслоений памяти и ощущений из детства, что Алехандро и Хесус снова пережили свои былые похождения, когда подвал распахи-вал двери в волшебную страну, страну мхов и тайников, где

можно путешествовать без движения и надеяться без оглядки, страну подлесков и погребов, где вызревали мечты, благословенную страну того неисчерпаемого времени, которое завтра утечет как вода сквозь пальцы, – они вдыхали чай, надеясь, что это никогда не кончится, пока магия пустой чашки прокладывала путь сквозь годы. Теперь они видели себя в лесу, и они уже не были детьми. Ливень намочил ветви и землю, которые исходят каплями и испарениями под вернувшимся светом, от почвы поднимается запах влажных тропинок, пронизанный земным жаром под стать их юношескому пылу. Увы, пришлось идти вперед и взрослеть, мальчишки стали мужчинами, и их вера в бесконечность претворилась в осознание смерти. И тем не менее, склонившись из окна форта во двор, где прошел дождь, генерал де Йепес и его команданте вдыхали терпкий аромат, возносящийся к ним и мягко касающийся их на своем пути от земли к небу. Мы вернулись обратно во времени, подумал Алехандро в тот момент, когда чашка лишилась всякого запаха, и вместе с ним ушло опьянение от восприятия мира через призму минувших лет.

– По нашему обычаю до того, как выпить чай, один из нас читает стихи, – сказал Солон.

Алехандро подумал о словах, произнесенных призраком Луиса, и давнее воспоминание всплыло у него в голове.

– В моих краях есть одна песня, которую поют только на похоронах, на том испанском, на каком никто больше не го-

ворит, – сказал он. – Это древняя поэзия Эстремадуры, которую женщины когда-то даровали моим мертвецам.

Внезапно поняв старинный говор, он произнес вслух две последние строки:

Живым жатвы мертвым бури
Когда все станет пустотой и чудом

Эльфы надолго о чем-то зашептались.

– Это те самые слова, которые кто-то вывел здесь сегодня утром, – сказал Солон, указывая на полоску ткани на стене. – Обычно мы записываем стихи только после того, как произнесли их вслух, но сегодня невидимая рука написала их раньше.

– Ничего не понимаю, – сказал Хесус, у которого уже затекли ноги, и он спрашивал себя, выпьют ли они когда-нибудь.

Тагор улыбнулся, поставил пустую чашку и медленно выпил вторую, полную. У чая был тонкий вкус, не имеющий ничего общего с предыдущими запахами пыли и подвала. В нем ощущались приветливость дня и успокоение сумерек, ничего не менялось, ничего не превращалось, чай пился, вселенная отдыхала.

Прошло несколько секунд.

Алехандро мигнул.

Перед ними в центре комнаты появилась глиняная чаша.

Ее неровные края рождали свет столь плотный, что резало взгляд. Глина, из которой вылепил ее создатель, сохраняла природную грубость, но форма была невероятно изящной. Стенки прямые и высокие, не расширяющиеся кверху, но и не ровные, с волнистыми очертаниями и чуть сплюснутые там, где должны прикоснуться губы. Разбросанные серебряные вкрапления образовывали древнюю патину, хотя непонятным образом очевидно, что она вышла из рук скульптора лишь накануне. Спроси у Алехандро и Хесуса, что они видят, и они ответят: простую глиняную чашу, однако оба сознавали, что перед ними творение самого времени, и не только, но еще и средоточие простоты чувств, которое оно предписывает. Что же это за искусство, которое включает в себя несовершенство износа и в то же время призывает к самоотречению и чистоте? – сказал себе Алехандро. Красота оказывается в ловушке нарочитой эрозии, выявляющей суть нашего существования, и нам не остается ничего, кроме как жить смирением, землей и чаем.

– Я видела эту чашу во сне задолго до сегодняшнего дня, – сказала Мария. – Именно эту.

– Как гласит память храма, за чтением стихов следует появление чаши, – сказал Петрус. – Они все великолепны, но в этой есть нечто большее, от нее заходится сердце.

Тагор поочередно поднес чашу каждому из присутствующих. Когда пришел черед Алехандро сделать глоток, ему показалось, что он чувствует сладость губ Клары там, где она

прикоснулась к чаше до него, и ощутил на языке мягкий и пресный вкус чая.

Страж вернулся на свое место.

Они ждали в молчании.

Жизнь текла. Жизнь ветвилась. Жизнь нарастала, пока не взбухла, как половодье. Что за отблески в лесу? Мир изменился, и они больше ничего не видели. Внутри их вздувалась река, перекатывая жемчужины. Или то были бледные цветы? Или звезды на поверхности черных вод?

Потом вода затопила неясные берега, и во вспышке грозы Алехандро и Хесус открыли для себя мир туманов.

В печалях

Текучая душа

Я сплю укутавшись в тучи

Живым жатвы мертвым бури

Когда все станет пустотой и чудом

Книга камней

他人 Другое

Всякий истинный рассказ – это история мужчины или женщины, которые отказались от горестного запустения в самих себе, чтобы разделить стремления другого человека.

Такой переход невозможен без песни мертвецов, милосердия поэзии и знания четырех Книг.

Книга камней.

Книга битв.

Книга картин.

И четвертая Книга, которой на данном этапе повествования мы не можем дать имя из опасения, что оно окажется непонятым.

Это история нескольких людей, которые во времена войны познали умиротворение встречи.

文字

Письмена

Мир туманов помнил многие языки. Между собой эльфы общались переливами ручьев и легкого ветра, а те, кто побывал в храме Нандзэна, могли говорить на всех земных языках. На протяжении долгого времени у них не было письменности, но, когда родилось такое желание, они выбрали одну, весьма особую.

Для этого было две причины.

Первая из них состояла в существовании страны людей, где писали именно так. Как и эльфийский мир, эта страна была окружена пустотой в виде бурных морей, затянутых мглой, и соответствовала гипотезе древнего поэта, гласящей, что мир живущих есть всего лишь остров, окруженный туманом или водами великой грезы.

Вторая причина оказалась существенней: эта письменность не просто была красива, она восхищала полетом стрекоз и грацией диких трав, благородством пепельного рисунка и великими вихрями стихий.

Вот почему мы и поддались соблазну поместить некото-

рые ее образцы на шелк в Нандзэне, поскольку красота, природа и греза являются пусть не заповедными нашими охотничьими угодьями, но хлебом насущным.

То, на что мы смотрим

Перед их внутренним взором расстилалась территория эльфов. Так же, как пустая чашка распахнула перед Алехандро и Хесусом двери в прошлое, чай изменил пространство их сознаний, и они разделили видение, которое им не принадлежало, но представило череду пейзажей в туманах, к которым вернулись краски.

– Кто-то сидит у меня в голове, – проговорил Хесус.

Небо было синим или золотистым, листва сверкала зеленью и рыжиной с оранжевыми и алыми вкраплениями, чаша обрела серую патину с отливом старой меди – и это возвращение цвета вселило в Алехандро и Хесуса не только радость, но и ностальгию по черному небу и белым деревьям.

– Тот, кто увидел остов красоты, никогда больше не сможет смотреть, как раньше, – сказал Сандро. – Я до сих пор пытаюсь понять, обостряет это зрение или обжигает его.

– Откуда к нам приходят эти видения? – спросил Хесус. – У меня такое чувство, будто я одновременно и здесь и там.

– Их дает чай, – ответил Хостус, – и Страж Храма, у которого есть власть видеть то, что далеко от нас, и разделять это видение с нами. Здесь мы все вместе, а там вместе с ним. В одно и то же время мы можем видеть и то, что перед нами, и то, что внутри нас.

– До сих пор Стражи Храма приходили к нам из двух вы-

соких родов, вепрей и зайцев, которые наделены особым могуществом в созерцании и провидении, – сказал Солон. – Зато низшие роды белок и медведей отличаются большей живостью и склонностью к действию.

– Значит, белки и медведи сражаются лучше других? – спросил Хесус, глядя на Тагора, который закрыл глаза и, казалось, не слышал их.

– Вовсе нет, – сказал Петрус, – вепри и зайцы великие воины. Вот только с чувствами у них не очень, так что их боевой порыв идет от головы, а вот у белок он рождается из горячности сердца.

– Если только они не заняты тем, что пьют, – заметил Маркус.

– В компании медведей, – добавил Петрус.

И, обращаясь к Алехандро, сказал:

– Высшие эльфы – аристократия нашего мира, только у нас это означает не совсем то, что у вас. Большую часть своей жизни я был метельщиком, а уважают меня не меньше, чем Стража Храма.

– Метельщиком? – удивился Хесус.

– Метельщиком, подметающим мох, – сказал Петрус.

– А что тогда означает «быть аристократом»? – спросил Хесус.

– Он отвечает за других, – ответил Солон. – На его плечах лежит бремя всего сообщества. Однако история показывает, что у некоторых белок больше ума, чем у всех зайцев, вместе

взятых, и что они могут нести ношу, которая раздавила бы не одного вепря.

– Отсюда можно увидеть любое место во вселенной? – спросил Алехандро.

– Любое, – ответил Солон. – И если вы не против увидеть то, что Тагор собирается вам показать, я расскажу вам историю туманов.

– А заодно мы, возможно, поймем, какая роль отведена нам, – сказал Хесус.

Все замолчали, рассматривая новый пейзаж, возникший в их сознании.

– Кацура²⁰, – сказал Глава Совета.

До этого момента деревья и туманы сменяли друг друга с изысканной монотонностью. Сейчас гости стража отчетливо видели то деревянные беседки, то силуэты высоких гор или же контуры странных садов. Потом видение спустилось сквозь туман и застыло над Кацурой. Это был большой город, окруженный вершинами, с невысокими жилищами на том, что должно было считаться склоном холма, – и однако, несмотря на все их усилия увязать то, что представало перед ними, с собственным жизненным опытом, они были вынуждены признать очевидное: Кацура, столица эльфов, главный город провинции Снегов, примыкала к небытию, приткнув-

²⁰ По аналогии с императорской Виллой Кацура в Киото площадью около 6,6 га – одним из самых ярких шедевров японского садово-паркового искусства.

шись к отрогу тумана, как другие к склону горы. Так далеко, как простирался взгляд, представало то же волшебство рельефов и жилищ, возлежащих на слоях пара. Мир покоился на воздушном газе, и, стоя прямо на пустоте, сиял город. Никогда еще человеческому глазу не доводилось наслаждаться столь великолепной панорамой, потому что деревянные конструкции, омываемые туманом, были, как и в Нандзэне, скромны и совершенны, они парили между небом и легким облачным маревом в святилище тайны и туч. Опять-таки, как в Нандзэне, галереи обвивали дома под серой черепицей, некоторые совсем крошечные, другие более просторные и похожие на храмы. Один из них в особенности привлекал взгляд. Перед зданием простирался большой прямоугольный двор, покрытый снегом и усаженный деревьями, на темных кронах которых в беспорядке лежали хлопья. На этих зимних ветвях, корявых и узловатых, как у старых яблонь, распустились нежные цветы, розовые или алые, со светлыми тычинками и круглыми лепестками с бело-красной бахромой. Налитые кровью венчики, черное дерево, мерцание снега – теплые и холодные времена года гармонично сливались на фоне строгой обнаженности ветвей, и глаз, предоставив сердцу заходиться в восторге, без устали впивал в себя вернувшийся в зиму цветок. Порыв ветра ворвался во двор, и лепестки смялись, почти исчезнув. А пока они снова расправлялись, выписывая изысканные арабески, ветер, превратив воздух в кисть, придал сцене сияние и пропорции, кото-

рые затмили все предыдущие.

– Что это за цветы, которые распускаются под снегом? – спросил Алехандро.

– Цветы сливового дерева, – ответила Клара. – Эта разновидность не дает плодов, только особое благоухание зимой.

– Здесь заседает Совет Туманов, – сказал Петрус, указывая на здание с прямоугольным двором. – А еще там же находится большая библиотека, где я был когда-то метельщиком. Там под снегом красивые мхи и песчаные дорожки, которые каждый день очищают от опавших листьев.

– А что делают метельщики зимой? – спросил Хесус.

– Они читают, – сказал Солон. – Но эту часть истории отложим на потом.

Алехандро сосредоточился на большой долине за городом. Вдалеке, скрытые полотнищем тумана, виднелось несколько серых крыш, прилепившихся к границе неба. Повсюду тот же снег, те же алые цветы на оголенных ветвях, те же отвесные склоны гор – и от вершины к вершине, от черепицы к черепице, от цветка к цветку слагалась та же цветовая гамма, что и в первом Нандзэне: драматическое сочетание чернил и крови между мраком и светом. Все пребывало в свободном парении, туманы свивались, и мир сверкал и переливался то одной, то другой гранью.

– Иногда туманы решают покрыть весь свет, за исключением единственной голой ветки, – сказал Петрус. – Иногда они сжимаются, и мы видим вещи с максимальной отчетли-

востью. Но мы никогда не можем объять все в целом.

– Все покоится на пустоте, – сказал Хесус.

– Но иногда в тумане висят островки земли, – сказал Солон.

Хостус второй раз поднес чашу каждому из гостей. Алехандро удивился новому вкусу чая, мощному и насыщенному, с призвуком незнакомой специи в аромате белого цветка.

– Наш чай раскрывается и набирает вкус, как вино, – сказал Петрус. – Есть марочные сорта и подвалы для вызревания. Напитку, который вы пьете сейчас, больше двух веков. С каждым глотком вы продвигаетесь во времени, погружаетесь в тайны камня и жизни земли.

Алехандро взглянул на кусок светлой ткани, где раньше был написан стих, и ему показалось, что письма изменились. Некоторые буквы были похожи на фигуры, другие на деревья или же на цветы, он начал привыкать к их странным формам и различать в них обрывки смыслов, но эти интуитивные озарения были мимолетны и исчезали в тот момент, когда ему казалось, что он их уловил.

Это случилось неуловимо, как мнется ткань или мелькает лучик света. Было ли это вокруг них? Или в них самих? Мгновением раньше они были одни, а теперь их стало множество. Приходя на кладбище, юный Алехандро слышал голоса мертвецов, как эхо, исходящее, казалось, из глубин земли, но на этот раз сущности появлялись из тумана так, что

описать это было бы трудно, потому что человеческие существа чужды сообществу духов и неосязаемым связям тех, кто, лишившись обладания собственным телом, познал взамен, что такое слияние сознаний. На этих землях туманы вбирали в себя все жизни и существования, которые, не осознавая себя поодиночке и не разговаривая между собой, обладали единым чувством, рожденным во взаимопроникновении, в осмосе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.